

литературное
НОВОЕ
обозрение
№ 9 1994

история

МАТЕРИАЛЫ ОБ АНДРЕЕ БЕЛОМ

НОВОНАЙДЕННАЯ АВТОБИОГРАФИЯ АНДРЕЯ БЕЛОГО

ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО А. Д. БУГАЕВОЙ
И М. К. МОРОЗОВОЙ

СТАТЬИ

А. В. Лаврова, Ренаты фон Майдель и
Михаила Безродного, Хайде Виллих

ANECDOTICA

М. К. Иорданская. НОВЫЙ TABLE-TALK.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ В ПОИСКАХ РУДОЛЬФА ШТЕЙНЕРА

Письма Андрея Белого А. Д. Бугаевой и М. К. Морозовой

В конце XIX века в Америке, как и в Европе (а Россия в это время была, несомненно, в сфере культурного и интеллектуального притяжения Европы), новое поколение порой с опаской пробовало, порой бесстрашно бросалось в водовороты мистической и оккультной мысли. Эти «дети», — как сказал о них Андрей Белый в первом томе своих мемуаров и в поэме «Первое свидание», — отказывались принять мир в том виде, в каком их «отцы», доверяющие одной только науке, позитивистски настроенные, рационалистичные, пытались им этот мир вручить («Теперь переменялись роли... Там обесславленные боги/Исчезли в явленную ширь...»). Ортодоксальные концепции о мире одна за другой разваливались в свете новых научных открытий. Дарвин снял с мира покровы привычного смысла, в то время как западное и восточное христианство казалось взорванным в своих окаменевших формах. В силу того, что наука не могла предложить ничего, кроме доказательства того, что человек бесцелен, по всему западному миру пустились побеги новые учения, корни которых уходили в древнюю, либо вообще неевропейскую почву. Одни из этих учений возводили свою родословную к «философу» XIV-го века Христиану Розенкрейцу (им в особенности пленился Вячеслав Иванов), другие к каббале, третьи к одной странной русской даме, госпоже Блаватской, теософия которой, будучи синкретической смесью западных и восточных мистических представлений, предлагала «синтез науки, религии и философии» (как о том говорил подзаголовок ее знаменитой «Тайной доктрины»). «Современная наука, — заявляла она, — представляет собой искаженную древнюю мысль и ничего больше». В то же время она подвергла критике все религии, в особенности же христианство, возлагая на священников ответственность за современный материализм. Современная религия тоже была искаженной древней мыслью и больше ни-

чем. Признанные ученые в области антропологии религий публиковали, как Макс Мюллер, переводы произведений восточной мудрости (он не раз упоминается Белым в комментариях к «Символизму») или, как Джеймс Фрейзер в своей авторитетной «Золотой ветви» (1890), составляли обширные компендиумы по сравнительной мифологии. Госпожа Блаватская предвидела самую возможность подобных исследований и в первой своей книге «Isis Unveiled» (1877, никогда не переводилась на русский язык; ее Белый, как большинство русских, знал, подобно множеству других мистических и оккультных писаний, во французском переводе) утверждала сходство всех основных верований и приписывала это существованию «тайной доктрины», бывшей прародительницей этих религий. Естественно, что только она и была посвящена в тайны этой «доктрины», переданные ей одним древним братством, хранившим эту мудрость высоко в горах Тибета. Учителя братства частично открыли ей эти тайны еще в ту пору, когда она была их ученицей в Тибете (полностью вымышленная история), а частично путем телепатии уже впоследствии. Только она, а вместе с ней и Теософическое общество, были призваны стать в западном мире проводниками этих тайн, посредством которых мир мог достичь состояния совершенной духовности. После смерти Блаватской ее миссию, состоявшую в том, чтобы осветить мир, погруженный во мрак, продолжила другая женщина, Анни Безант, ставшая ведущей силой в Теософическом обществе. Углубляя связи теософии с индийской религией и ослабляя всякую ее идеологическую связь с христианством, Анни Безант и ее последователи, составившие так называемое Адьярское крыло Теософического общества, подготовили почву для раскола в обществе, последовавшего уже в десятки годы нашего столетия.

Атакуя науку и вместе с тем с осторожностью облекая собственное

учение в язык и внешние атрибуты той же науки, осуждая состояние упадка, в котором находится современный человек, и одновременно предлагая возможности преодоления этого упадка, «духовная эволюция» давала надежду на усовершенствование человека. Эта надежда оказалась исключительно привлекательной для интеллектуалов, поэтов, музыкантов и художников, таких как, скажем, Бальмонт, Скрябин, Кандинский (автор «О духовном в искусстве»), если говорить о русских, для которых в исчерпывающей космологии «тайной доктрины» заключалась возможность нового искусства и новой жизни, ставших для них тождественными в век, отказавшийся проводить какие бы то ни было границы между жизнью и искусством. Андрей Белый ничуть не в меньшей степени, чем трое из названных его современников, подпал под обаяние тех же чар, и в продолжение большей части его сознательной жизни ему предстояло испытать их влияние.

Его отец, известный математик, не был позитивистом в обычном смысле слова, но молодой Белый все-таки вырос в семье с совершенно не религиозными взглядами: «над традицией у нас в доме смеялись; единственная традиционнo верующая бабушка была вечно ошучена папой и мамой; мама лишь под конец жизни определилась религиозной» (Почему я стал символизмом. «Ардис», 1982. С. 17). Несмотря на это, благодаря близости к семье Михаила Соловьева, семье глубоко религиозной, впервые серьезно отнесшейся к его идеям и творчеству, он испытал влияние Владимира Соловьева, а затем и традиционного русского православия в лице Серафима Саровского¹, о котором Бердяев писал: «Интеллигенты, возвращавшиеся к православию, почитали старчество и искали духовного руководства старцев. В те годы обращенность к старцам была более характерна для интеллигенции, которая хотела стать по-настоящему православной, чем для традиционнo-бытовых православных. (...) Старцев почитали не только новые православные, но также далекие от церкви теософы и антропософы.

Они видели в старцах «посвященных». (...) Для православных течений того времени характерен культ св.Серафима. Монашество св.Серафима представлялось новым белым монашеством, в нем видели веяние Духа Святого. В разговорах св.Серафима с Мотовиловым видели откровение глубин православия, православного пневмоцентризма. В старчестве видели продолжение той же как бы эзотерической традиции православия» (Самопознание. 2-е изд., Париж, 1983. С. 214—215). Этот интерес Белого, как и его растущее очарование теософией и знакомство с нею, естественно вели его к позднему увлечению антропософией Рудольфа Штейнера, учение которого заявляло себя примирителем теософии и христианства. (Штейнер не менее Белого почитал Серафима Саровского и даже поощрял другую свою последовательницу, Маргариту Васильевну Сабашникову-Волошину, написать книгу о русском старце.) Белый принял символизм, потому что не мог писать иначе; символ, о котором он с таким блеском и так часто невразумительно писал в статьях, собранных в книге 1910 года «Символизм» (время, когда он решительно шагнул к «другой традиции»), позволял ему коснуться «абсолюта», но только на какие-то короткие моменты. Взраженный научной средой Московского университета и последующими за этим годами всестороннего чтения в области философии, он отчаянно пытался примирить «духовный факт» с точностью философского метода. Поэтому он верил, что нашел в «духовной науке» Штейнера средства к достижению этой цели. Если недооценивать эту связь Белого с «эзотеризмом», можно исключить для себя из искусства Белого наиболее существенные его аспекты. Эзотеризм дал ему систему тайных соответствий и символов и установил внутреннюю связь между частями тела, цветами, стихиями и т.д., которые дали существованию и миру смысл одновременно универсальный и конкретный, как это видно в величайшем «эзотерическом» романе «Петербург», где в блестящей медитации о прошлом, настоящем и будущем России встреча-

¹ См. мою статью «Andrey Bely and Serafim of Sarov». — Scottish Slavonic Review. 1990. № 14. Spring, № 15, Autumn.

ются история и миф. Вместе с тем преувеличить влияние антропософии на Белого означало бы, как мы это видим в писаниях некоторых введенных в заблуждение критиков, превратить «веру» великого художника и скептика в догму, с мучительной застылостью которой сам Белый боролся всю свою жизнь.

В своей автобиографии Бердяев писал: «Наиболее интересно [из оккультных течений, — Д. М.] было течение антропософское. Оно увлекало более культурных людей. Вячеслав Иванов был связан с оккультизмом, и одно время на него имела влияние А. Р. Минцлова, эмиссар Р. Штейнера в России. Андрей Белый сделался антропософом. Молодые люди, группировавшиеся вокруг «Мусагета», все были захвачены антропософией или другими формами оккультизма. Искали тайных обществ, посвященных. Подозревали друг друга в причастности к оккультным организациям. В разговорах были оккультные намеки. (...) Популярность оккультических и теософских течений я объяснял космическим прельщением эпохи, жаждой раствориться в таинственных силах космоса, в душе мира, а также неспособностью церковного богословия ответить на запросы современной души» (Самопознание. С. 217—219). О том, как Белый сделался антропософом, я уже писал в предисловии к моей публикации «Андрей Белый и антропософия» (Минувшее. Т. 6, 8 и 9), иллюстрированной документами, показывающими путь Белого к теософии, а затем и к антропософии. Нет нужды повторять сказанное: от первых чтений Белым работ Блаватской в 1896 году (см. его «Касания к теософии», опубликованные в девятом выпуске «Минувшего») до первой встречи со Штейнером 24 апреля (7 мая) 1912 года (см. его «Свидания с Доктором» там же), после которой Белый решил стать одним из его служителей. В центре моей публикации о Белом и антропософии находился дневниковый «Материал к биографии (интимный)» (опубликованы были отрывки из него за 1911—1912 годы, а текст за 1913—1914 приводился полностью), в котором он подробно повествует о своей жизни как части штейнеровского антуража. (Штейнер, как многие мистики, настаивал на медитации и последовательном посвяще-

нии, дававшем власть над материальным миром; заодно с постепенным проникновением в духовную реальность, достигавшимся через занятия и практику, через самоочищение и уединение, все это находилось под непосредственным руководством учителей.) Совершенно очевидно, что материал этот основывается на подлинных дневниковых заметках той поры, но приведен в порядок он был значительно позднее, в начале 20-х годов. Ценность публикуемых здесь впервые писем заключается в том, что в них отражена непосредственная реакция Белого на встречи со Штейнером, а не ретроспективное о них повествование. Письма к матери и М. К. Морозовой прекрасно передают лихорадочную атмосферу оккультных «знамений», в которую был погружен Белый в 1912—1913 гг. (см., например, его «Оккультные переживания» в девятом выпуске «Минувшего»), и дают нам прямо из первых рук яркое впечатление о «докторе» (так называли Штейнера все его последователи), которому суждено было сыграть решающую роль в жизни Белого.

Александра Дмитриевна Бугаева (1858—1922, урожд. Егорова), будучи скорее «светской дамой», разделяла интересы сына не более, чем она способна была разделять интересы мужа: это были два исключительно разных человека. Вместе с тем она с неистовостью заявляла свои права во всем, что касалось сына, и с ревностью относилась ко всему (и ко всем), что посягало на эту зависимость его от матери. Поэтому она пыталась «идти в ногу» со всеми его интересами в той мере, в какой она была в состоянии это делать, и ее частые появления в тех же московских теософских кругах, которые она посещала после 1907 года, скорее всего, вызваны именно этими ее стремлениями. (Надо ей отдать справедливость в том, что светским кругам, в которых она вращалась, свойственно было модное увлечение всеми формами теософских учений, и потому они могли в какой-то мере иметь для нее подлинный интерес.) В своих коротких письмах к ней Белый редко вдается в подробности штейнеровского учения, однако в них отразились метания и деятельность Белого в период его первых личных встреч со Штейнером, и в этом смысле они вполне дают нам об-

шее представление об этой поре его жизни. Хранятся эти письма в РГАЛИ, ф. 53 (А. Белый), оп. 1, ед. хр. 359.

Очень длинные письма Маргарите Кирилловне Морозовой (1873—1958, урожд. Мамонтовой), одной из первых красавиц Москвы и «сказке» «Второй симфонии» Белого, совсем другого характера. После смерти мужа в 1903 г. эта, по словам Белого, «дама с тоской по жизни» (Начало века. М., 1990. С. 504) становится активной деятельницей музыкальной, философской и издательской жизни Москвы и хозяйкой салона, ставшего одним из интеллектуальных центров второй столицы. Белый, один из ближайших ее друзей, постоянно бывал у нее в гостях, часто принимал участие в заседаниях Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева, которые происходили в ее московском особняке на углу Смоленского бульвара и Глазовского переулка. В трудные моменты жизни Белого она всегда оказывала ему моральную, а в начале десятых годов и финансовую поддержку, иногда от имени издательства «Путь», которое было организовано в 1910 году на ее средства. Морозова, как и другие московские друзья Белого (С. Н. Булгаков, например), боялась, что «наступает настоящая бездна — Штейнер» (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С. 295), и Белый тщетно пытался бороться с ее боязнью, что он «изменяет Христу», в объяснительных письмах, в подробностях излагающих учение Штейнера и уверявших ее в том, что ничего не изменилось. Письма Морозовой находятся в РГБ, ф. 171 (Морозова), к. 24 (письма 1912 г.), 1в.

* * *

Когда в 1939 г. умер Уильям Батлер Йитс (Yeats), один из крупных поэтов нашего времени, другой выдающийся англоязычный поэт двадцатого века, Оден (Auden, и тот и другой, к сожалению, мало знакомы русскому читателю), написал в своем блестящем стихотворении «In Memory of W.B. Yeats» («Памяти Йитса»): «Ты глупым был, как все; все пережил твой дар». «Глупый» здесь выражает насмешливое отношение поколения самого Одена к тому, что Йитс был увлечен всевозможными оккультными и мистическими движениями рубежа веков, в которых сегодняшние его критики видят отдельные источники его поэзии. «In Memoriam» Белого написал не кто иной, как Мандельштам: «На тебя надевали тиару — юрода колпак, / Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак! / Как снежок на Москве заводил кавардак гоголек: / Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок...». О «глупости» он, разумеется, не писал. Между тем он вполне мог написать (заменяя Ирландию Россией) то, что Оден написал о Йитсе: «Тебя до стихотворства довела безумная Ирландия. / Сейчас в Ирландии бред и погода те же, / Поэзия ничто не изменяет, поэзия живет...» («poetry survives»).

* * *

Выражаю искреннюю признательность директору и сотрудникам РГАЛИ, а также директору РГБ и тем ее библиотекарям, чья любезная помощь способствовала появлению этой публикации. Также благодарю за дружескую помощь в подготовке материала Владимира Гитина, коллегу по Гарвардскому университету.

ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО
А. Д. БУГАЕВОЙ И М. К. МОРОЗОВОЙ

А. БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

< 27 апреля/10 мая 1912 г. Брюссель. >

Милая мамочка!

Пишу Тебе после долгого перерыва. Все эти дни мы то были не дома, то работали, то видели людей: наконец, — мы 2 дня были в Кёльне (Кёльн от Брюсселя в нескольких часах пути). Мы слышали 3 лекции Штейнера и даже познакомились с ним¹. Прекраснее и сильнее этого человека я не видал никого.

Нам очень любезно разрешили присутствовать в заседаниях логи. Перед этим слушали «Гибель богов» с байретскими исполнителями; и в день же возвращения из Кёльна попали на чествование Метерлинка. Метерлинк выглядит гораздо старше, чем на портретах: у него совсем седая голова. Шла его «Пелеас и Мелизанда» с музыкой Форе. Мелизанду играла жена его, выступающая на сцене под именем Жоржетты Леблан, и играла великолепно².

Я познакомился здесь с несколькими бельгийцами; и мы часто бываем в гостях у Данса, у одной барышни, и т.д. Мы часто бываем в обществе Мг и Madame Destre. Он — писатель, адвокат и депутат в здешнем Парламенте; жена его очень милая дама и дружит с Асей³.

Ася много работает. Сейчас она чуть-чуть нездорова и уже легла; из постели просит Тебя поцеловать. Она Тебе напишет.

Спасибо за то, что переслала карточку Венгерову⁴. Мы с Асей снялись, и портреты на днях пошлем.

Привет Екатерине Ивановне Черновой⁵.

Милая, пиши же: пиши, когда переедешь в Демьяново и куда теперь Тебе писать⁶.

Христос с Тобой. Нежно любящий Тебя

Боря.

Тетю Катю целуем⁷.

В Брюсселе мы до первых чисел июня. А потом у д'Альгеймов под Парижем⁸. [Приписка в начале первого листа — <Публ>].

[Брюссельский почт. штемпель: 10.V.1912; московские: 30.IV.1912 и 1.5.12.]

1 16/29 марта 1912 г. Белый уехал за границу вместе с Анной Алексеевной («Асей») Тургеневой (1890—1966), которая собиралась продолжать свои занятия гравюрой в Брюсселе, а Белый свою работу над романом «Петербург». 2-го апреля (н.ст.) они приехали в бельгийскую столицу. 6-го мая они поехали в Кёльн на лекции Рудольфа Штейнера (1861—1925), а на следующий день они имели с ним личную встречу: «Кёльн. Встреча и разговор с доктором Штейнером, определяющий судьбу мою и Аси» («Раккурс к «Дневнику». Материал к биографии за 1899—1930 гг.» [далее: РД] — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100).

2 В 1912 г. исполнилось пятидесятилетие со дня рождения Метерлинка (1862—1949), который некоторые из своих пьес написал специально для жены (Georgette Leblanc). «В тот же день мы вернулись в Брюссель; в тот

вечер сидели на чествовании Метерлинка (в театре); и сам Метерлинк, о котором когда-то так много мечтал гимназистом, казался мне: грубым, упитанным, примитивным *шоффером* пред Рудольфом Штейнером», — Белый, «Из воспоминаний» [отрывок из так называемой «берлинской редакции» «Начала века»], — «Беседа», № 2, 1923, с. 105 (они разделены на три части: 1. Бельгия. 2. Переходное время. 3. У Штейнера). «Мы были абонированы на серию вагнеровских опер, исполняемых гастролерами из Байрейта» (там же, с. 95).

- 3 «Встречались часто мы с дочерью Данса, женой адвоката и депутата Дестрэ (бывшего после министром); (...) Я не помню всех тех, с которыми приходилось встречаться: из общества, среди которого мы вращались, запомнился Санд (собираТЕЛЬ картин и банкир), жена Санда, поэт молодой и художник де-Гру, остроумный, талантливый, чудаковатый. Обедали мы очень часто у Данса; и иногда у Дестрэ» («Из воспоминаний. Бельгия», с. 85). А. А. Тургенева занималась гравюрой у знаменитого бельгийского учителя гравировального искусства Данса (Danse, Michel Auguste, 1829—1929), дочь которого (Louise) была женой бельгийского социалиста Jules Destree (1863—1936). Данс жил под Брюсселем в городе Uccle, а его дочь с мужем — в Charleroi (Шарлеруа).
- 4 «Милая мамочка! У меня к тебе просьба. Вышли профессору Венгеру [С. А. Венгеров, 1855—1920] немедленно папин портрет для «Энциклопедического словаря». В энциклопедическом словаре печатаются биографии русских ученых и деятелей. Кожеваткин в прошлом году *не отправил* портрета, забыл: портрет заложен у меня в вещах; (...) Венгеров *год ждет* моего и папиного портрета. И мне совестно, что я перед очень почтенным человеком так некорректен (...) Идем сниматься (для Венгерова)» (письмо Белого матери от 25 апреля 1912 г., н.ст.).
- 5 «В Кисловодске [летом 1895 г.] я был предоставлен самому себе (...) мать водилась в обществе своей подруги, Е. И. Черновой, жившей в Кисловодске с глупым мужем, *красавцем* Аркашей (А. Я. Чернов); рой расслабленных «генералов» ее окружал» («На рубеже двух столетий». М., 1989, с. 328).
- 6 Семья Бугаевых часто проводила лето в Демьянове (Клинского уезда Московской губ.), где снимала дачу на территории имения В. И. Танеева.
- 7 Егорова Екатерина Дмитриевна (1861—?) — младшая сестра А. Д. Бугаевой, жила вместе с нею и Белым после смерти своей матери и Н. В. Бугаева, с осени 1903 г. О ней см. «Между двух революций». М., 1990. С. 429—432.
- 8 д'Альгеймы — барон Пьер д'Альгейм (Pierre d'Alheim, 1862—1922), французский журналист и романист, организатор совместно с женой, камерной певицей Марией Алексеевной Олениной-д'Альгейм (1869—1970), «Дома песни» в Москве в 1908 г. Она — тетка Аси Тургеневой.

А. БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

< 5/18 мая 1912 г. Брюссель. >

Милая мамочка!

Милая, милая бесконечно прости меня: меня просто охватил ужас, когда уже после я вспомнил, что не послал телеграммы к Твоим именинам. Это не потому, что я забыл Тебя, а потому что именно в эти дни мы переживали с Асей очень странное время, о котором расскажу Тебе потом; дело в том, что вокруг нас происходило что-то совсем особенное: началось это со сна — в одну и ту же ночь нам приснился Штейнер — мне и Асе. Потом начались странные явления в Брюсселе¹. Это было именно в 20-х числах апреля. Тут же мы получаем письмо,

то Штейнер в Кёльне, что надо тотчас же ехать к нему². Мы бросили все дела и поехали в Кёльн: это было именно 23-го апреля. Милая, Ты простишь нас, если примешь во внимание, с каким волнением мы ехали в Кёльн: ведь мы ехали не на лекции только, а на свидание с ним.

В Кёльне мы прожили 3 дня, слышали три лекции. Имели получасовой разговор с Доктором. Ты просто не можешь себе представить, что это за человек: его аура (свет вокруг) прямо видна глазами. Он читал лекцию о близости пришествия Христа: такой громовой, сильной речи не слышал никогда в жизни³. У него словно разрывается лицо, из лица светит лицо и т.д. Мы были совсем потрясены, и за эти 3 дня пережили года. Нас допустили в интимные заседания Ложи (в виде исключения)⁴. Доктор выслушал нас (у нас был к нему ряд вопросов); сначала говорил я, потом Ася через переводчицу — М. Я. Сиверс⁵. В итоге разговоров случилось вот что: Доктор нас позвал к себе — в июле. С июля месяца он в Мюнхене. В августе он читает курс. Он сказал: Приезжайте в Мюнхен не к курсу, а к нам: поживите с нами, нашей общему жизнию, а там посмотрим⁶. Словом, выходит, что мы едем прямо вступить на путь ученичества под руководством Штейнера или Штейнером приставленного лица. Движение, начатое Штейнером, ромадно: в будущем человечеству предстоит перенести ряд испытаний, и кто не готов, тому трудно придется. Пора вступить на твердый путь. Мы — поедем. Денег нам хватит. Я могу работать и за границей пока. Три недели еще мы в Брюсселе. Потом июля до 6-го мы у Альгеймов. С 8-го июля мы в Мюнхене при Штейнере. В августе слушаем его курс (к августу в Мюнхене будут жена М. И. Сизова, М. В. Волощина, кажется К. П. Христофорова, Эллис и еще кое-кто из русских)⁷. Ты — пойми: книги Штейнера ничто перед Штейнером⁸. Он — невероятен, невероятно прекрасен. И он — настоящий учитель.

Мы вернулись в Брюссель точно во сне. Написали Эллису в Берлин нашей встрече со Штейнером. Через два дня к нам прилетел Эллис, звавший отпуск у Доктора, и провел с нами 3 дня. Эллис очень окреп, очень помолодел, изменился к лучшему. Он — бритый, и ему это очень идет⁹. Мы читали Дневник Эллиса (записанные им беседы со Штейнером: это нечто удивительное).

Наша жизнь здесь тихая, скромная: теперь мы оба работаем; я пишу роман, чтобы к июлю окончить его и сдать издателю¹⁰.

Милая мама: передай наш привет К. П. Христофоровой и скажи ей, как восхитил нас Доктор. Карточки вчера Тебе послал. Не послал вой, потому что моя карточка не удалась.

Милая, милая, родная: Христос с Тобой — *Твой Боря*.

Нежно целую.

Тете Кате привет.

P.S. В Брюгге все еще не были. Перед отъездом во Францию поеем. А пока оба работаем. Нас от Брюгге отвлек Кёльн. Кёльн, между прочим, очаровательный город: множество уютных старых церквей, множество старых домов. И народ в Кёльне такой же милый, как в Мюнхене.

Пишу это письмо 5-го мая по нашему стилю.

Ну прощай, милая...

Ты спрашиваешь, понял ли я лекции Штейнера: о да, — «Путь к освящению» читал; это — прекрасная книга, но она ничто перед его эзотерическими курсами и лекциями¹¹. Лекции Штейнера невероятно начительны. Погода у нас стояла жаркая, как в Москве в июне, а теперь с первого мая стало совсем прохладно.

Теперь занимаемся с Асей немецким языком, чтобы облегчить себе понимание Штейнера. Ведь он был недавно в Гельсингфорсе, — туда ездили Сизов и Петровский¹²; оба завзятые штейнерьянцы; ведь они в Москве устроили штейнеровский кружок.

- 1 «Апрель. Брюссель. Жизнь в Бельгии; болезнь; странные сны; (...) странные встречи. Май. Брюссель. Атмосфера в Брюсселе напрягается; неожиданный отъезд в Кёльн» (РД). Белый описывает этот сон и «странные явления в Брюсселе» до встречи с Штейнером в «Из воспоминаний. Бельгия». С. 84—97.
- 2 «Здесь должен сказать: получили мы около этого времени от Петровского, из Москвы, извещение о том, что в такие-то числа мая назначена в Кёльне публичная лекция Штейнера, и что если хотим мы послушать его, то ведь Брюссель от Кёльна так близок (всего пять часов); сообщал он и адрес, где можно достать нам билеты на лекцию». — «Из воспоминаний. Бельгия». С. 95.
- 3 В РД Белый пишет только о двух лекциях, прослушанных в Кёльне: «1) Лекция Штейнера в кёльнской ложе на тему о связи с космосом. 2) Публичная лекция Штейнера «Христос и 20-ый век». Я отмечаю лекции Штейнера, как влиявшие на внутреннюю работу». 6 мая Штейнер читал публичную лекцию под названием «Das Christus-Erkennen im zwanzigsten Jahrhundert», а 6—8 мая лекции из цикла «Anthroposophie als Empfindungs-Erkennntnis- und Lebensgehalt». Об этих лекциях см. «Из воспоминаний. Бельгия». С. 103—104.
- 4 «—Приходите сюда — через час: доктор будет читать в помещении ложи; вы можете быть». Так попали совсем неожиданно мы на интимную лекцию в ложе без всякого права присутствовать; разрешение дал сам Штейнер». — «Из воспоминаний. Бельгия». С. 101.
- 5 Мария Яковлевна фон Сиверс (von Sivers, 1867—1948) — «русская немка» (родилась во Влоцлавске, провела молодость в Петербурге). С 1902 г. стала близкой сотрудницей и секретарем Штейнера в немецком отделении Теософского Общества, затем в Антропософском Обществе. В 1914 г. вышла замуж за Штейнера. «Более получаса рассказывал я происшествия нации, начавши от Минцловой (бывшей его ученицей); и Сиверс переводила слова мои; опускаю беседу», — «Из воспоминаний. Бельгия». С. 104—105.
- 6 «— Так вот: приезжайте ко мне вы — в июле; в июле я в Мюнхене буду. Там будет досуг поговорить очень тщательно обо всем; в то же время вы можете ознакомиться с нашею жизнью; и ближе увидеть движение наше: согласны? — «Мы — будем». — «Так до свидания — в Мюнхене», — очень приветливо он улыбнулся, пожал руки нам. Так-то стали и мы «штейнерьянцами»; идеологически не было тут измены пути; это было созревшим решением, выходом органически из событий, разгадки которым искали». — «Из воспоминаний. Брюссель». С. 105.
- 7 Ольга Павловна Сизова — врач, теософка, первая жена критика и переводчика Михаила Ивановича Сизова (1884—1956), участника кружка «аргонавтов» и сотрудника изд-ва «Мусaget». Она (как и ее муж) стала антропософкой и участвовала в постройке «антропософского храма» Гетеанума в Дорнахе (Швейцария). Маргарита Васильевна Сабашникова (1882—1973) — художница, первая жена М. А. Волошина, теософка, одна из первых русских учениц Штейнера. См. ее воспоминания «Die grüne Schlange» (1954; рус. перевод: «Зеленая змея». М., 1993). Клеопатра Петровна Христофорова (ум. в 1934 г.) — московская теософка, впоследствии — член Антропософского Общества. В 1908 г. Белый посещал ее теософский кружок; по свидетельству Аси Тургеневой, он в 1909 г. впервые от нее получил фотографию Штейнера (см. ее «Андрей Белый и Рудольф Штейнер». — «Мосты». № 13—14. 1968. С. 239). Два письма Белого к ней были опубликованы в

- составе моей публикации «Андрей Белый и Антропософия» в девятом выпуске «Минувшего». С. 468—469. Эллис (наст. фамилия: Кобылинский) Лев Львович (1879—1947) — поэт, критик, переводчик, старый друг Белого; в то время пылкий приверженец Штейнера, а через некоторое время его не менее ярый «враг».
- 8 «И то, как сказал это он, мне рассеяло представленье о сухости, рационализме, которым доселе дышали мне книги его; понял я: книги Штейнера — нотные знаки симфонии; ключ был дан к этим книгам: сам Штейнер». — «Из воспоминаний. Бельгия». С. 103—104.
- 9 «Брюссель. Чувство преследования и беспокойства: приезд Эллиса; разговоры с ним; читаю «Теософию», читаю курс «**Теософия розенкрейцерства**» Штейнера; занимаюсь немецким языком» (РД). О поездке Эллиса в Брюссель см. «Из воспоминаний. 2. Переходное время». С. 106—112. «Дверь стремительно отворяется; и — появляется на пороге ее неузнаваемый, бритый и ставший медлительным Эллис» (там же. С. 106). «Эллис провел перед нами учение Штейнера в подлинном, не догматическом, но динамическом его аспекте; и выявил тонусы христианства в учении этом; впоследствии я познакомился с курсами Штейнера; и оценил совершенно блестящую экспозицию антропософии, данной нам Эллисом» (там же. С. 107—108). «Два дня и две ночи он нам проповедывал боготворимого доктора Штейнера; напроповедывал; и уехал в Берлин: слушать лекции Штейнера» (с. 112).
- 10 В то время Белый работал над романом «Петербург», четвертую главу которого он оканчивал в апреле 1912 г., чтобы передать ярославскому издателю К. Ф. Некрасову (1873—1940).
- 11 Книга «Путь к посвящению и как достигнуть познания высших миров» (перевод с немецкого) была выпущена в 1911 г. калужским теософским издательством «Лотос».
- 12 «В апреле 1912 года мы выехали из России: на день мы остались в Берлине — увидеться с Эллисом, жившим около Motzstrasse (на Motzstrasse, 17 жил Штейнер); но Эллиса мы не застали: уехал он, кажется, в Христианию: слушать цикл лекций Штейнера, чтобы оттуда попасть — в Гельсингфорс, где должно было состояться свидание Штейнера с группой русских антропософов (на Пасхе); оставили Эллису мы небольшую записку» («Из воспоминаний. Бельгия». С. 83—84). Штейнер читал лекции в Гельсингфорсе с 3 по 14 апреля 1912 г. (он читал в Христиании 2—12 июня 1912 г.). Сизов — см. примеч. 7. Алексей Сергеевич Петровский (1881—1958) — «вечный спутник» в жизни Белого. Около 1910—1911 гг. стал антропософом, в 1914 г. участвовал в постройке Гетеанума в Дорнахе. Был арестован, как и все почти московские антропософы, в 1931 г. и провел 2 года в ссылке.
- Начиная со слов «Ты спрашиваешь...» приписка написана очень мелким почерком. При попытке реставрации в архиве очень выцветшего текста часть слова была попорчена. «<Неда>вно» приводится у меня в соответствии со смыслом сказанного.

А. БЕЛЫЙ — М. К. МОРОЗОВОЙ

< 17/30 мая 1912 г. Брюссель. >

Родная, близкая, милая
Маргарита Кирилловна,

ради Бога простите мою медлительность. Я уже полторы недели, как собираюсь Вам писать, но сначала напишу, что с нами произошло, что-

бы Вы поняли, какой ураган света и тяжести ворвался в мирную нашу жизнь в Брюсселе.

Вдруг у нас начался ряд снов, знамений и каких-то незабываемых минут. Как будто какая-то светлая рука указывала дорогу. Часто по вечерам было и такое:

Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи,
Кто-то здесь — мы вдвоем,
Прямо в душу глядят лучезарные очи
Темной ночью и днем.

В. Соловьев¹

Мы почувствовали что-то необычное, чрезвычайное, и все не могли понять, как же нам реагировать на знаки света. Между прочим, в одну и ту же ночь, в тот же час во сне нам с Асей явился Штейнер: тотчас же после этого сна все и началось.

И пока мы с Асей недоумевали, что все, с нами происходящее, означает, — мы получаем письмо, что Штейнер в Кёльне, т.е. в двух шагах от нас. И вот мы поехали в Кёльн.

Маргарита Кирилловна, Вы, вероятно, слышите многое за и против Штейнера. Умоляю Вас, не составляйте себе мнения, не увидев его, не прослышав хоть бы 2-х интимных лекций его, не поговорив с ним.

Многих я видел, но только один человек вызывает неподдельное преклонение, как учитель, которого слова менее дел. То, что он говорит, меньше его самого, а говорит он так, что хочется кричать от восторга. Я предложил Штейнеру ряд вопросов; он мне их сразу же разрешил.

В итоге: мы едем в июле в Мюнхен учиться у Штейнера, ибо это не теория, а действительная школа: ведь он действительно даже исцеляет недуги, а не только философствует, ибо прошел громадный путь внутренней работы, без которой все есть нуль.

Милая, дорогая: спасибо за лестные предложения «Пути». Как только кончу роман, примусь за обе книжечки. Надеюсь к сентябрю их представить «Пути»².

Милая, пишите. Сейчас весь в предотъездных хлопотах. Ася приветствует. Христос с Вами.

Любящий Борис Бугаев

P.S. Адрес. France. Bois-le-Roi. Seine et Marne. Chez. M. Pierre d'Alheim. Мнe.

[Почт. штемпеля: Bruxelles. 30.V.1912/Москва. 20.5.12.]

- 1 Первая строфа стихотворения без названия, написанного Соловьевым 21 ноября 1898 г. Ср. описание «странных явлений» в Брюсселе: «Мы <Белый с Асей Тургеневой> замолчали и слушали звук тишины, точно сладостный колокол, нас призывающий; мне припомнилось стихотворение Владимира Соловьева:

Лишь забудешься сном, иль проснешься к полночи:
Кто-то здесь. Мы вдвоем.

Относительно нас лучше было бы сказать: «Кто-то — здесь. Мы — втроем» («Из воспоминаний. Бельгия». С. 88).

- 2 Белый обещал написать монографию об А. А. Фете для серии «Русские мыслители», предпринятой издательством «Путь», и получил аванс за нее. Затем он намеревался написать о Н. Ф. Федорове. Ни та, ни другая идеи не были реализованы.

А. БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

< 20 мая/11 июня 1912 г. Bois-le-Roi. >

Милая моя мамочка!

Давно Тебе не писал: давно не получал от Тебя никаких писем. Вот уже неделя, как я в Bois-le-Roi, работаю¹. Здесь дивно: у нас в саду все растет, все покрыто громадными красными маками. Bois-le-Roi нечто вроде дачного места под Парижем. Кругом леса, идущие в Фонтенбло. Я устал в Брюсселе; и когда наступили жары, то не мог работать. Ася меня отправила работать одного в Bois-le-Roi, а сама осталась на неделю в Бельгии оканчивать работу у Данса (переехала к нему). Завтра она приезжает. Мы живем сейчас троём в Bois-le-Roi. Варвара Алексеевна Оленина (сестра Марии Алексеевны) и одна очень милая дама, француженка, Мадам Оккинс (жена художника). Д'Альгеймы же в Англии: Мария Алексеевна давала 2 концерта в Лондоне. На днях они возвращаются; на днях же сюда приезжают из России ученицы Марии Алексеевны. Живу в милом домике с громадной библиотекой очень редких и ценных книг. Жду с нетерпением Асю. Мы пробудем в Bois-le-Roi до начала июля². В первых числах июля же (то есть по нашему стилю в 20-х числах июня) — мы едем в Мюнхен. Тогда адрес: Deutschland. Munchen. Poste restante. Милая моя мамочка! Как Ты? Переехала ли в Демьяново? Отчего долго нет от Тебя никаких известий? Мой поклон милым демьяновским местам.

Пиши же. Может быть Ты в августе соберешься в Мюнхен? Только что в Германии появился роман мой «Серебряный Голубь» в очень изящном виде и с предисловием, где меня сравнивают с Гоголем³. Получил письмо от немецких издателей, предлагающих перевести и издать в Германии мой второй роман «Петербург». Хочешь, я напишу издателю, чтобы Тебе выслали книжку?

Тороплюсь окончить мой «Петербург» до июля, чтобы свободным и неутомленным схватить слушать Штейнера.

Только что получил длиннейшее письмо Эллиса из Норвегии; он, как тень, следует за Доктором: голодает, отказывает себе во всем и на последние деньги ездит за ним всюду⁴.

Штейнер будет в Мюнхене с 6-го июля и остается там до сентября.

Не помню: писал ли я Тебе, что мы были в Брюгге. Город очарователен; это — северная Венеция: весь в каналах. Перед отъездом из Бельгии были в Шарлеруа (город) в гостях у очень милых людей Дэстрэ: он депутат Парламента, писатель, адвокат и один из виднейших бельгийских социалистов. Мы видели выборы в Брюсселе: всюду были процессии, митинги, манифестации. Ну Христос с Тобой, милая моя, хорошая мама. Целую крепко.

Боря.

Тетю Катю целую.

Адрес. France. Bois-le-Roi. Seine et Marne. Chez M. Pierre d'Alheim. Мне. <Приписка Белого наверху первого листа.>

[Почт. штемпеля: Bois-le-Roi. 11.6.12./Москва. 2.VI.1912 и 2.6.12.]

В самом начале июня (н.ст.) Белый приехал в Буа-ле-Руа (под Парижем, вблизи Фонтенбло), в дом Пьера д'Альгейма и М. А. Олениной-д'Альгейм.

2. «Буа-ле-Руа. Приезжаю к д'Альгеймам (Ася в Брюсселе; д'Альгеймы — в Лондоне); ряд серьезных бесед с В. А. Олениной. Июнь. Буа-ле-Руа. Длительные беседы с д'Альгеймами; встречи с Питтом; пишу 5-ую главу «Пе-

тербурга»; читаю исследование о процессе Темплиеров и ряд книг подобного типа; читаю Клоделя, «Rouge et noir» Стендаля, Леконт де Лилля; роюсь в библиотеке д'Альгеймов. В самом конце месяца едем в Мюнхен» (РД).

- 3 **Die silberne Taube.** Roman. Einzige autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von Lully Wiebeck. Frankfurt am Main, Rütten und Loenig, 1912.
- 4 «— «Да, собственно говоря, денег нет у меня: марок несколько есть»... Переглянулись мы с Асей: таков он Эллис всегда был; делился последними крохами с первым попавшимся; брал, когда нужно, — себе: точно птица небесная!» — «Из воспоминаний. Переходное время». С. 108.

А. БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

<Начало июля (н. ст.) 1912 г. Мюнхен. >

Милая мамочка,

вот мы уже как четыре дня в Мюнхене¹. Сегодня переезжаем в наш пансион. Были на теософском собрании. Доктора Штейнера не видали, еще вероятно не скоро увидим: он страшно занят. Видели Льва². Лев живет в часе езды от Мюнхена; и приезжает к нам в гости. Доктор предписал ему строгий режим, и к нему нельзя ездить. Вообще он очень углубился: и выглядит хорошо.

Мюнхен очарователен: ходим с Асей по старым местам, где я некогда жил³.

Адрес наш таков: Deutschland. München Akademiestrasse. № 7. Pension Romana. Но пока лучше и вернее писать так: Deutschland. München. Poste restante. Лучше это потому, что мы еще, может быть, переедем; а тогда — вечная путаница. На *poste restante* же письма пропасть не могут: лучше пиши на *poste restante*. Мы пробудем в Мюнхене июль и август. В августе здесь цикл лекций и постановка мистерий. После, вероятно, проедем слушать курс в Базеле.

Июль же месяц мы подготавливаемся, знакомимся с теософской здешней жизнью, изучаем курсы Штейнера и, по возможности, стараемся с Штейнером познакомиться.

Здесь довольно жарко, но живем мы в 2-х шагах от Английского парка, и даже днем прохладно. Вчера мы гуляли за городом, в полях с двумя русскими теософами и одним немцем, Рихтером (который, кажется нам, уже приставлен к нам от Штейнера)⁴. Ну Христос с Тобой мама. Пиши. Ася целует Тебя. Тетю Катю целую.

Нежно любящий Боря.

<Датируется по содержанию. Написано на бланке гостиницы: Etablissement Benz. Privat-Hôtel. München, Leopoldstr. 50.>

- 1 Белый приехал в Мюнхен (через Страсбург) в начале июля.
- 2 Т. е. Эллис.
- 3 Белый провел октябрь—ноябрь 1906 г. в Мюнхене. См. «Между двух революций», третья глава, главки «Мюнхен», «Пинакотекка как дрожжи мысли», «Быт», «Кафе “Симплициссимус”», «Шолом Аш, Станислав Пишибышевский» и «Франк Ведекинд».
- 4 Вероятно, имеется в виду польский художник-антропософ Тадеуш Рихтер (Rychter, 1873—?), который часто упоминается в «Воспоминаниях о Штейнере» Белого (Париж, La Presse Libre, 1982).

А.БЕЛЫЙ — А.Д.БУГАЕВОЙ

< 30 июля (н. ст.) 1912 г. Мюнхен. >

Дорогая, родная мамочка!

Спасибо Тебе, огромное за беспокойство, которое я Тебе причинил. Но более подходящего случая с именем не представилось бы долго, а мне для этого приезжать сейчас в Россию нельзя. Милая моя, родная: мы теперь при Докторе Штейнере. Уже 2 раза здесь у него были¹. Завтра идем опять². Дело в том, что кто хочет серьезно работать и вдумчиво относиться к словам Доктора, тот не может не стать его учеником, т.е. не только обращаться за советом и спрашивать, но и исполнять ту работу, которую дает Доктор и которая ведет к очень большим следствиям, как в отношении к внутреннему миру (раскрывает глаза), так и в отношении самочувствия, здоровья и т.д. Лев Львович оттого-то не может уехать от Доктора без позволения, что проходит сложный и тернистый путь обучения и работы над волей, чувством, «Я» и т.д. Особенно первое время, где каждый шаг неопытен, нужно находиться при Докторе, чтобы в случае чего тотчас же искать у него совета и помощи.

Мы попали теперь в то положение, когда мы еще не ученики, но уже не просто любопытные.

Доктор дает нам работу, в которой мы отдаем ему отчет. И теперь уехать от него — невозможно.

Вероятно мы естественно перестанем курить и есть мяса, как естественно при методе нашей жизни пришли к убеждению, что невозможно пить вино и пиво.

И — увы — мюнхенское пиво не для нас.

Ты спрашиваешь, почему мы едем в Базель. Мы едем в Базель за Доктором. После окончания мюнхенского цикла лекций начинается цикл (12 лекций) в Базеле. Вот почему мы туда едем (Базель близок от Мюнхена — всего 5 часов езды).

Время наше строго распределено: утром работа, данная Доктором. Потом работа литературная; в час — обед. После 3 раза в неделю приезжает Лев и читает нам курсы Штейнера. Если Льва нет, то мы читаем (переводим) курс Доктора «Теософия розенкрейцерства», занимаемся немецким³. От 5 до 8 или гуляем, или отдыхаем. В 8 ужинаем, пьем чай, а там готовимся к ночи и опять исполняем то, что дал нам Штейнер. Оторваться от этой осмысленной жизни сейчас нам нельзя⁴.

Милая, родная, пиши же: как Твои ноги? Это у Тебя — нервное; милая, ничего серьезного нет. Ну Христос с Тобой, моя родная. Целую Тебя. Ася целует. Остаюсь любящий нежно

Твой Боря.

P.S. Наш адрес: Deutschland. München. Akademiestrasse 17.

P.S. Если я не уплачу 3000 «Мусагету» теперь, то «Мусагет» года 2 будет мне не платить за работу, вычитая долг, т.е. 2 года я должен работать не получая ни копейки из «Мусагета», заплатив же 3000 «Мусагету» я опять-таки беру их назад, ибо я работаю на «Мусагет». Вот еще причина, заставляющая меня имение заложить; и немедленно. Продавать же сейчас — безумие.

[Датируется по содержанию. Письмо ошибочно помещено в архиве среди писем 1913 г.]

1 «2-ое свидание. 20 июля 1912 — Мюнхен. Разговор об Анне Рудольфовне Минцловой. Доктор дал медитацию нам. Мюнхен. 3-ье свидание. 24 июля. Разговор (очень подробный) о моем *raison d'être*, о России, Вл. Соловьеве;

очень подробное изложение всего бывшего с Анной Рудольфовной. Доктор прибавил медитацию» («Свидания с Доктором». — «Минувшее». № 9. 1990. С. 471).

- 2 31-го июля Белый с Асей имел четвертое свидание со Штейнером: «Отчет Доктору о своей работе; представил схему; изложили странное происшествие 29-го июля. Доктор из моих чертежей дал мне задачу; прибавил к имеющейся медитации еще. Мюнхен» («Свидания с Доктором», там же).
- 3 «Die Theosophie des Rosenkreuzers», цикл из четырнадцати «докладов» («Vorträge»), прочитанных в 1907 г. в Мюнхене.
- 4 «Июль. Мюнхен. Встреча со Штейнером; приезд Наташи; знакомство с теософами; усиленная медитационная работа; черчу ряд схем; веду медитационный дневник; учусь немецкому языку; читаю курс об ангельских иерархиях Штейнера (дюссельдорфский); большие медитационные знания; знакомство с Юли, Штинде, Калькрейт, Киселевыми (Ник. Ник. и жена), Ганной, Шолль, Рихтером; частые поездки к Эллису под Мюнхен; сближение с Поольман-Мой; Эллис прочитывает мне курс по антропософии; медитационно читаю «Как достигнуть». С середины месяца ежедневно ходим к Матильде Шолль и она дает нам антропософские «уроки». (...) Читаю ряд статей (интимных) Поольман-Мой; нам с Асей делают визит гр. Калькрейт и Штинде» (РД).

А. БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

< 14/27 августа 1912 г. Мюнхен. >

Дорогая мамочка!

Не сердись, милая, что давно не писал. Мы уже 3 недели, как работаем без устали с утра до ночи: 1) работа <над> немецким языком, 2) разучиваем циклы доктора, 3) к нам ходила 2 недели теософка, приставленная доктором объяснять мистерии (здесь ведь неделю шли мистерии)¹, а теперь съезд теософов и курсы доктора: каждый день его слушаем. После каждой из мистерий, тянувшейся по 8 часов, мы сидели точно оглушенные громом². Вагнеровское «Кольцо» игрушка по простоте сравнительно с гигантской глубиной и красотой «Мистерий» доктора. Теперь идет курс под заглавием «О посвящении»³; мы живем в такой напряженной атмосфере, что просто не в состоянии ничего делать. Кроме того, скоро нас примет доктор и надо ему сдать урок. Вот отчего и молчу.

Здесь до 30 человек русских. Из Москвы здесь: Петровский, Сизов с женой, М. И. Сизова, Викентьев, Киселев, Madame Недович, Волошина, Григоров с женой, и др.⁴ Из Петербурга приехала Сер<афима> Павл<овна> Ремизова, жена Алексея Михайловича⁵. На этой неделе кончается курс, и тогда мы переезжаем в Базель, где доктор прочтет 12 лекций «Евангелие от Марка». Оба мы с Асей поступаем в Теософическое Общество, в берлинскую ложу; это, конечно, форма: без вступления в Общество очень трудно работать и очень трудно видеть доктора. Кажется, в Базель приедет и Клеопатра Петровна Христофорова.

Милая моя мама, очень, очень было бы хорошо, если бы Ты приехала на следующий год в Мюнхен: каждый год в это время в Мюнхене 1) съезд германских теософов, 2) идут мистерии, 3) доктор читает курс. Самое удобное время для того, чтоб иметь точное представление о германском движении розенкрейцерства, это приехать в августе в Мюнхен. В это время съезжаются и русские. Для русских всякие удобства.

Ну, милая, милая целую Тебя крепко и нежно. Христос с Тобой. Ася Тебя целует и напишет скоро.

Остаюсь нежно любящий

Борис Бугаев.

[Почт. штемпеля: München. 27.8.12./Клин. 18.8.12.]

- 1 «Мы ездили каждый день к фрейляйн Шолль, очень умной, начитанной, нам любезно дававшей уроки немецкого, — сводившиеся к интереснейшим разговорам о гетевой теории света, о иерархиях; еще приходила к нам фрейляйн Ганна: переводить мистерии» («Из воспоминаний. У Штейнера». С. 125). Ср. «Воспоминания о Штейнере»: «Кроме того: «внутренняя» ученица его <Штейнера>, умнейшая фр. Матильда Шолль <Mathilde Scholl, 1869—1941>, неожиданно вызвалась нам давать уроки немецкого языка, вернее, — вводить нас в компендиум немецкого слова штейнеровских лекций; еще вернее, — уроков «немецкого языка» и вовсе не было, а были интереснейшие, легкие искристые беседы-вопросы (у нас к Шолль и Шолль к нам) на разнообразнейшие предметы (...) у нас появилась фр. Ганна <Hanna, ум. 1923 г.>, хорошо знающая русский; каждый день она диктовала текст нескольких сцен <из «Мистерий»>, а я спешно его записывал, чтобы, имея **подстрочник** (свой), по нему до мистерий проходить текст их» (с. 143—144).
- 2 «Не стану описывать курса и постановку мистерий; скажу: впечатление было огромно; огромным казался нам Штейнер; мистерии длились три дня (с 10 утра до 5—6 дня)». — «Из воспоминаний. У Штейнера». С. 126. 20, 22 и 24 августа (н.ст.) были поставлены в Мюнхене первые три из четырех «Mysteriendramen» Штейнера.
- 3 25—29, 30 (2 лекции) и 31 августа (н.ст.) Штейнер читал восемь лекций «курса» «Von der Initiation. Von Ewigkeit und Augenblick. Von Geisteslicht und Lebensdunkel».
- 4 «С августа начался уже съезд: из Норвегии, Швеции, из Германии, из Швейцарии, Австрии, Польши, России (приехало более тысячи человек) появились: Викентьев, Сизова, Н. П. Киселев и Петровский; мы виделись как-то рассеянно; новые наши знакомства оттягивали от общения с москвичами; приехала М. В. Сабашникова, вернулся Трапезников, проживающий в Мюнхене; и пришло время курса». — «Из воспоминаний. У Штейнера», с. 126. Мария (Магдалина) Ивановна Сизова (1899—1969) — сестра Михаила Сизова, писательница, впоследствии театральный педагог, режиссер; жена историка-египтолога В. М. Викентьева (1882—1960). Николай Петрович Киселев, участник кружка «Аргонавтов» и в 1913—1915 гг. секретарь редакции «Мусагета» (не путать с художником-антропософом Николаем Николаевичем, жена которого, Татьяна, стала видной эвритмисткой). Недович — московская теософка, член кружка Христофоровой; она не упоминается ни в «Воспоминаниях о Штейнере», ни в РД. [Август 1912 г.] Приезд Трапезникова и сближение с ним; приезд Волошиной, Христофоровой, Григоровых, Петровского, Сизова, Ник. Петр. Киселева, Викентьева (с женой)» (РД). Борис Павлович Григоров (1883—1945) — по профессии экономист, член кружка «Молодой Мусагет», где Белый вел курсы в 1910 г. Один из основателей Р.А.О. и его председатель вначале. О Надежде Афанасьевне Григоровой (1885—1964) ее брат, Павел Бурышкин, писал в кн. «Москва купеческая» (Нью-Йорк, 1954): «женщина-врач, очень хороший хирург, была известна с несколько иной точки зрения. Еще гимназисткой она бывала в теософском кружке Христофоровой, которая была близка к Е. П. Блаватской, даже, кажется, состояла с ней в родстве. Потом, вместе с рядом других лиц, в частности с Андреем Белым, она перешла к Рудольфу Штейнеру

и стала антропософкой. Она вышла замуж за моего университетского товарища Бориса Павловича Григорова, который тоже был штейнерианцем. Они постоянно ездили к Штейнеру, в особенности когда он читал свои циклы лекций. Григоров был назначен главным «гарантом» русской антропософской группы. В квартире моей сестры происходили их собрания (...) Первая версия Гетеанума, еще в Мюнхене, была выстроена за счет моей сестры, точнее говоря, за счет нашей фирмы» (с. 226—227).

- 5 С. П. Ремизова (1876—1943, урожд. Довгелло), переводчица, палеограф, интересовалась Штейнером, но не стала антропософкой.

А.БЕЛЫЙ—А.Д.БУГАЕВОЙ

< 21 августа/3 сентября 1912 г. Lindau. >

3 сентября (нового стиля).

Дорогая мамочка,

пишу Тебе несколько слов; не знаю, где Ты. Пишу на московский адрес.

Мы едем в Базель. Ася укладывается, а я сейчас поеду на вокзал. Дорогая мамочка: мы устали после мюнхенского цикла; теперь 10 дней передышка, а потом снова 12 лекций Доктора.

Курс был потрясающе-хорош. Сегодня утром проводили Наташу. Москвичи разъезжаются¹.

Уже в воздухе стоит осень. И грустно: жаль лета. Лето у нас все время было холодное. И в Bois-le-Roi, и в Мюнхене всюду стояли дожди. Уже с месяц почти нет солнца. Не знаю, что-то встретит в Швейцарии нас.

Дорогая мамочка, дай свой точный адрес: где Ты? В Москве или все еще в Демьянове.

Если в Демьянове, то когда едешь в Москву?

А наш адрес пока таков: Schweiz (Suisse). Basel (Bale). Postlagernd (Poste restante). В скобках адрес — по-французски, без скобок по-немецки.

В Базеле у нас будет свидание с Доктором. Туда же приедет и Эллис.

Мы с Эллисом очень дружим: он — хороший.

Еду в Базель с нетерпением. Это город, где 10 лет Ницше был профессором².

Из Базеля я Тебе подробнее напишу.

Ася Тебя целует, она не пишет, потому что укладывается.

Ну Христос с Тобой родная, милая мамочка, целую Тебя нежно.

Остаюсь глубоколюбящий

Боря.

[Почт. штемпеля: Lindau. Bodensee. 5 Sep<tember>. 12./Клин. 27.8.12.]

- 1 Наташа — Наталья Алексеевна Тургенева (1886—1942), сестра Аси, жена А. М. Поццо. Она приехала в Мюнхен в августе 1912 г. на съезд теософов и на лекции Штейнера. Умерла в Дорнахе. Ср. «Из воспоминаний. У Штейнера»: «Вот окончился съезд; все мы падали с ног от усталости; в промежутки меж лекциями Штейнер принял не менее трехсот человек; и был ряд заседаний, в которых взволнованно обсуждалось расхождение с Безант, по вопросу об ордене, ордене «Восточной Звезды», против которого гремел Штейнер. Не утомился лишь он. Собирался из Мюнхена — в Базель: читать курс «Евангелие от Марка». За ним и мы ехали; но сперва проводили Наташу — в Россию, простились с москвичами и — тронулись: дней за десять до курса, чтобы побыть в

одиночестве; и — разобраться в потоке разнообразнейших ощущений, нас разрывавших буквально» (с. 126—127).

- 2 О Ницше и Базеле см. статью Белого «Круговое движение», написанную в октябре 1912 г. и опубликованную в журнале «Труды и дни», № 4—5, 1912. Статья близко связана с «Петербургом».

А.БЕЛЫЙ—А.Д.БУГАЕВОЙ

< 26 августа/8 сентября 1912 г. Базель. >

Дорогая мамочка,

мой адрес следующий: Suisse. Bâle. Hôtel Bernerhof. Chambre № 20. A Monsieur Boris Bougaïeff. У нас из окна чудесный вид; комната же маленькая. Из всех теософов приехали первыми; буду здесь много работать. Базель старинный город и небольшой. Но смотрим с наслаждением на очаровательные дома вокруг. Холода все стоят: лета не было. Пишите. Христос с Тобой, моя родная.

Твой нежно любящий

Боря

Ася целует Тебя; она сейчас берет ванну. Тетю Катю целую.

[Открытка, написанная карандашом, с видом городской думы (Rathaus) и собора (Münster) в Базеле. Почт. штемпеля: Basel. 8.IX.12./Москва. 29.8.12.]

А.БЕЛЫЙ—М.К.МОРОЗОВОЙ

< Первая декада сентября (н. ст.) 1912 г. Базель. >

Дорогая, близкая Маргарита Кирилловна!

Пишу Вам это длинное послание, и если б Вы только знали, с каким сложным мучительным чувством; пишу Вам с радостью, потому что всегда радостно мне было Вам в былые годы говорить о трудном, что случалось в моей жизни; и потому быть искренним с Вами — привык; но пишу также с мукой: ибо то, о чем хочу говорить с Вами мне крайне не радостно, а тяжело, горько: много раз взвешивал я, имею ли я право к Вам обращаться с тем, что будет содержанием моего письма; и всякий раз вставало: и да, и нет. Вот, когда скажу, напишу Вам, будет у меня впечатление, что я чем-то виноват; а стану анализировать себя, в чем моя вина, — ясно увижу, что не виноват, что наоборот: виновата русская жизнь, что мне приходится писать Вам такие письма, что русское общество предо мной в долгу и т.д. Но долг русского общества такой не реальный; ибо само общество есть совокупность тысяч и тысяч индивидуумов, меня не знающих, как и я не знаю их; и реально потребовать долга у русского общества я не могу: и от этого реально страдаю я, индивидуальность, живой человек хотя бы потому, что пишучи Вам испытываю морально пренеприятное ощущение, будто я теряю собственное достоинство: а не напиши я Вам этого письма, доставляющего мне моральные страдания, я буду скоро с женой испытывать страдания моральные иного порядка: разбивается жизнь, нервы, смысл бытия и т.д. И к ним присоединятся страдания чисто физические. И так стою перед альтернативой: либо идти на то, чтоб меня морально оскорбляли немцы, первые встречные, либо на то, что Вы, получивши это письмо, изменили свое мнение обо мне. Иного выхода мне нет. И войдя в эту безвыходность, учтя свое положение, я начинаю роптать: почему я

должен непременно испытывать моральное чувство униженности? Разве я не работаю, разве в работе моей я преследую личные цели, разве в теперешнем нашем бесповоротном решении с Асей учиться у Штейнера лежит что-либо грубо эгоистическое, а не строгое сознание быть в будущем полезным людям? И вот всё-таки: морально я должен быть скомпрометирован или пережить тягостное ощущение при написании Вам этого письма. И вот я вспоминаю участь писателей, которых впоследствии добром поминало русское общество и которые проходили жизнь с тем же сознанием мучительности, что работа их, цели служения их современным им обществом игнорируются; тогда я вижу отчетливо: не я, как писатель, виноват перед обществом, что пишу отдельным членом русского общества подобные письма, не отдельные члены общества виноваты, что по получению подобных писем они испытывают чувство тягостное, а виновато только все русское общество пред отдельною единицей, каковою являюсь я. Но я личность, состоящая из плоти и крови, нуждающаяся в том, чтобы есть, пить, спать, покупать одежду и т.д., а виноватое предо мной общество есть совокупность людей, т.е. отвлеченное число. Но отвлеченные числа не страдают, морально не мучаются; и я, справедливо требующий у общества, чтобы работа моя признавалась полезней работы, например, банковского кассира, обеспеченного, — я это требующий требую у отвлеченной величины: отвлеченные величины мертвы; с них нельзя взять; а я, вынужденный вследствие мертвенности общества обращаться к друзьям, есть живая единица, и крайне чутко отношусь ко всему, что относится к чувству собственного достоинства. И вот, дорогая Маргарита Кирилловна, помня, что Вы мой друг, с которым мне всегда было легко говорить, я и решаюсь к Вам обратиться с прямою просьбой или с советом, как быть; взяв с Вас слово (и слышу: это слово Вы мне даете) ответить мне с величайшей искренностью и не сердиться, я Вам скажу, в чем моя или прямая просьба, или дружеский совет, как быть. Причем заклиная Вас всей силой души мне говорить, что отклонение Вами моей просьбы нисколько меня не обидит, ибо обижаться на Вас не имею я никакого морального права, если Вы мне скажете: «Нет». Лишь под этим условием я и могу писать Вам без чувства уверенности, что мое обращение к Вам Вы воспримете, как нечто досадное, скучное и еще добавок меня компрометирующее.

Дело вот в чем: итоги последних двух лет показали мне ясно, что мысли, стремящиеся ко благу, исполнены самых лучших намерений, но реальной силы выполнить работу, провести ее сквозь все детали жизни, этой силы у нас нет: в частности, это безволие, этот ряд кризисов сознания о путях к Истине особенно сказался в Мусагете: каждый ушел в себя, каждый усумнился в правильности работы; и потому в сумме наше содружество «Мусагет» в данный период времени есть хаос; из этого хаоса можно выйти лишь самовоспитанием, укреплением воли, самым реальным ученичеством: нам, пишущим, ставящим вехи и грани путей положительно стало необходимым твердо знать, что есть путь, и твердо мочь идти по пути. В последнем мы все, кажется, уверены: последнее у всех нас — одно: Христос. А вот дело Христово, каково оно теперь в XX веке, что нужно реально знать, реально чувствовать, реально мочь, чтобы быть не только вдохновенным Истиною, но и мудрым кормчим, этого мы не знаем. А времена исполняются: надвигается бессрочное.

Учиться нам всем надо: учиться, а где учитель? Учителем мог быть Владимир Соловьев? Его нет с нами: он — помощник Невидимый, и мы ли, малые, слабые, можем быть уверены, что слово его помощи из невидимого мира разбираем мы? Кроме ушедшего от нас Соловьева учиться в России не у кого. У писателей русских современности нет ре-

ального чувства правды: есть смутное предчувствие; и все, предлагаемое, как путь, есть оформливание в схемах лишь смутного предчувствия; и потому даже в ясных, как день, словах о Пути мне слышится движение на ощупь: слепой может предчувствовать, что в комнату кто-то вошел, выражать это свое предчувствие в ясных, логических схемах: но слепой не может сказать наверное, кто рядом с ним, пока не прозреет. У совр<еменных> русских писателей есть движение к правде, но движение инстинктивное. У писателей русских учиться пути нельзя: они — советники, а не учителя; и тем менее они могут быть учителями мне, писателю, по самому существу своему изнутри знающему, что есть совр<еменный> писатель, как он мал и слаб, что есть современность, как она важна и как она не терпит ныне движения на ощупь.

Если у совр<еменных> русских писателей нельзя получить Пути в подлинно реальном смысле этого слова, остается идти к старцам. Верю, что русское старчество реально для себя и для следующих путем монашества и отречения от жизни, но не могу уйти от жизни, не могу перебраться по спасительному мостику, перекинутому через ров жизни, когда в этом рву барахтается все человечество. Хочу остаться в человечестве, чтобы ему служить. Путь старчества есть путь через мостик монастырской жизни; этот путь закрыт для нас; этим старцы не могут быть реальными учителями в жизни: они о Вечности; но мало быть о Вечности; надо уметь слышать шум Вечного в современном: только слыша часы времени можно работать, пресуществляя современность.

Итак, быть без Учителя? Но быть без учителя многим из нас уже нельзя. Уезжая за границу, я знал, что нам с Асей пришло время искать реального пути: пути работы над собою, чтобы не только чувствовать и знать, что нужно, но и мочь воплощать нужное¹. Из всех людей, к кому я мог обратиться так, как мог бы обратиться к старцу, был Штейнер; но я не знал, что такое Штейнер². Мы с Асей, уезжая, уже решились на возвратном пути побывать у него.

Но внутренние события нашей жизни, почти чудесные знамения, с нами бывшие, ускорили нашу поездку к Штейнеру; ускорили эту поездку и невероятные недоразумения с друзьями, основанные на химерах³; эти недоразумения столь явно подчеркнули мне нашу всеобщую беспомощность твердо работать (а не только чувствовать или знать), так разбили нашу жизнь в Брюсселе, что с чувством отчаяния, обиды, и только со смутной надеждой мы бросились в Кёльн.

Не стану далее распространяться. В Штейнере мы встретили то, что искали, то, что искал я всю жизнь: это человек безмерного духовного опыта, воин Христов, и вместе с тем этот воин Христов остается в горниле жизни. Судьба наша решена. Мы находимся в непосредственном соприкосновении с Штейнером. Работаем под его руководством: мы его ученики. Стать учеником необходимо для правильной работы над собой. В чем заключается эта работа я не могу подробно распространяться, но она ведет именно к тому, что искал я всю жизнь и чего не находил ни в монашеском пути, ни в умственных разглагольствованиях: это нечто столь серьезное, что требует личного отречения и постоянного присутствия при Учителе при первых шагах; представьте себе человеческий организм как здание, приходящее в упадок и требующее ремонта; прежде чем стать на путь ученичества, требуется радикальный ремонт самого здания личности; только после этого ремонта человек начинает крепнуть и становиться на свои ноги (мы все в Москве не стоим на своих ногах: Метнер, Рачинский, Бердяев, я, и все почти не ходят: их носит; если бы все мы стали на ноги, мы разбились бы)⁴. И вот мы теперь с Асей в состоянии ремонта. Уехать сейчас от доктора значит

на всю жизнь быть развалиной: нас и не пустят, да и мы не поедем. Не могу Вам в письме сказать, почему именно нельзя уехать, но верьте моему слову: попасть сейчас в Москву для нас, как и для всех учеников, на первых шагах своего пути оторванных от Учителя, значит: через несколько месяцев попасть в сумасшедший дом. Минимум год еще мы не можем оторваться от доктора; это не прихоть, не эгоистическая потребность: воистину это вопрос жизни и смерти. И мы твердо решили, что лучше умереть с голоду на улицах Берлина, чем вернуться в Москву.

Дорогой, горячлюбимый друг, позволяйте же мне обратиться к Вам сперва, как к другу: надеюсь, что частности этого письма об ученичестве, о работе над собою, о физической и психической невозможности уехать останутся между нами (Метнеру, Рачинскому это можно сказать; другим — не надо). Но вот что из всего этого вытекает: тут-то начинается моя просьба, тут начинаются слова, которые я пишу Вам со стоном (верьте, до чего это все тяжело мне писать), но не напишу, не выскажу Вам эти унижительные частности, с большим стоном это придется высказаться другим, не друзьям, первому встречному, ибо иначе: нам остается буквально голодать.

У меня к Вам, дорогой, бесценный друг, реальнейшая просьба: просьба занять у Вас лично на 4 месяца (максимум на пять) денег⁵. Дело вот в чем: недоразумения с Москвой, когда мы жили в Брюсселе, так расшибли меня, что месяца полтора я работать не мог; потом работал отчаянно для издателя романа; здесь, теперь, уже месяц писать невозможно: работа над немецким языком, приготовление к мистериям, курс лекций доктора, личная работа доктору и т.д. — все это лишило возможности меня окончить роман; только через месяц его окончу; только к декабрю он выйдет из печати, но в декабре я получаю за него 1100 рублей; далее: В. К. Кампиони поехал на Кавказ закладывать мое имение⁶, на закладку надо 4 месяца, т.е. ранее декабря я не буду иметь возможности уплатить «Мусажету» долг (3000); по уплате долга, я могу у «Мусажета» просить аванса под «Путевые Заметки» и те книги, которые предлагаю. Но сейчас в «Мусажете» денег нет. В декабре месяце у меня деньги будут 1) с имения, 2) за роман, 3) «Мусажет» мне поможет. Сейчас же ни денег, ни помощи «Мусажета», и не у кого занять. При этом уехать — погибнуть (это я говорю серьезно). И четыре месяца (сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь) буквально придется умирать с голоду. Вот дорогой друг, пишу со стоном и опять-таки повторяю: я тут не виноват; я не знаю, кто виноват; но я живу не для себя, я и у Штейнера для того, чтоб научиться полезно работать для общей нам России. Я не виноват, что у меня нет денег и что, если я не обращусь за помощью к друзьям, нас уже через 3 недели будут гнать с квартир и т.д.

Примите эту просьбу дружески; и если не можете мне помочь, напишите или телеграфируйте точно же; я, даю честное слово, не обижусь, ибо знаю, что бывает полная невозможность помочь при всем желании. Тогда буду стараться искать других источников; тогда, ради Бога, дайте совет, что делать. Милая, родная, друг, войдите в мое положение!

На четыре месяца я у Вас прошу лично (не у «Пути») 1100 рублей или одновременно, или в две порции, или в четыре; когда же выйдет мой роман, тогда сумму в 1100 рублей Вам вернет мой издатель, Некрасов; а на деньги, вырученные от залога имения, уплачу «Мусажету» (думается мне, останется излишек); во всяком случае «Мусажет» под книги будет далее мне в состоянии помочь. Милая, дорогая: сейчас через 3 недели не на что жить, неоткуда занять, а надо 1) из Базеля ехать в Берлин и там устраиваться, 2) жить в Берлине, 3) отправить Наташу, сестру Аси, в Москву (ее мы выписали на наши средства к доктору, ибо ей так тяжело было и надо было, чтобы доктор лично ей помог). Поймите, не сердитесь,

ответьте прямо; войдите в наше критическое положение: медитации, работа над собой первые месяцы расстраивает (это — тяжелая психическая операция) и лишь потом укрепляет; а вот мы, сейчас хрупкие, как фарфор, требующие, чтобы нас обложили ватой, живем с чувством, что может быть придется просить чуть ли не милостыню у чужих людей; и как это потрясает, нарушает правильный ход внутренней работы, Вы и представить не можете. И потому, дорогой друг, если у Вас есть хоть какая-нибудь возможность помочь (я даю слово, что прошу лишь сумму = гонорару романа, окончание коего непредвиденно отсрочилось; и стало быть смогу заплатить долг этой суммой), помогите. Не сердитесь. Простите. Прошу у Вас помощи только, как друга; помощи или совета, за то и другое буду безмерно благодарен.

Работы для «Пути» представлю позднюю осень; примусь за них тотчас по окончании романа; верьте, работать здесь легче; а если бы вернулись в Москву, то 1) нравственно мы без доктора бы погибли, 2) работать бы я не мог бы, 3) появление двух бесполезных развалин в Москве никому не принесло бы ни пользы, ни радости и т.д.

Ну, родная близкая. Скорее же напишите мне заказным письмом или телеграммой по следующему адресу. Basel (Bâle). Schweiz (Suisse). Poste restante.

Напишу скоро о докторе. Извините, что пишу так обрывочно: с утра до ночи занят. Каждый день лекция доктора, производящая впечатление громового удара, после которого часами сидишь потрясенный, измученный. Милая, друг мой, сестра моя, не сердитесь: ответьте.

Остаюсь горячо любящий и преданный

Борис Бугаев.

P.S. Ася сердечно Вам кланяется.

- 1 Слово «мочь» дважды подчеркнуто Белым.
- 2 Ср. «Из воспоминаний. Бельгия»: <До кёльнской встречи> «сказал Асе: — «Вот если бы были в России, нашел бы я путь к совету; здесь — и спросить-то ведь не у кого совета: ни у кого нет духовного опыта, нужного нам». (Знал: в России, в Зосимовой Пустыни — **старец** есть; и есть — в Оптиной Пустыни). Ася меня перебила: — «Скажи, — веришь честности Штейнера ты?» Я ответил: — «Да, верю: я несогласен с учением Штейнера; личность же Штейнера для меня — вне сомнения». — «А веришь ли, что у него опыт есть?» — «Безусловно.»» (С. 99—100).
- 3 «Кроме того: из Москвы приходили известия, выводившие из терпения нас; снова Метнер почто-то привязывался очень странными, точно нарочно выдумываемыми нападками и придираками; в этом жесте сказалась определенная злоба на нас и досада, что вот из Москвы ускользнули, в опеке «культурного» Метнера не нуждаясь вовсе; пытался, как мог, передать москвичам о поездке в Германию и о встрече со Штейнером; но в ответ на попытки какую-то правду свою передать, — раздавалось глухое, враждебное и недоверчивое молчание; лишь от Метнера притекали все более и более истерические послания на двадцати и более крупных листах; в них мне вменялось, будто бы предал я «Мускет»; и с насмешкой указывалось: от меня, де, автора «Символизма», теперь надо зорко оберегать символизм, ибо я теософ. Это все — мне казалось: несправедливым и мелким; (...) в ту именно пору особенно чувствовал я символистом себя; в идеологии — ничто не менялось, нападки (и ахи, и охи о том, что погиб де) напоминали мне мелкие пересуды московских, стареющих кумушек с замкнутым кругозором, составивших себе некогда шарж на духовное знание; в кругу прежних друзей начиналось издевательство над конкретнейшими и святейшими устремлениями моими». — «Из воспоминаний. Переходное время». С. 112—113.

- 4 Эмилий Карлович Метнер (псевдоним — Вольфинг; 1872—1936) — музыкальный критик, журналист, философ; один из учредителей и руководитель издательства «Мусагет», редактор журнала «Труды и дни». Умер в эмиграции, в Германии. Рачинский, Григорий Алексеевич (1859—1939) — литературный деятель, близкий к кругу символистов, переводчик, философ; член редакции «Вопросов философии и психологии», председатель Московского религиозно-философского общества, редактор издательства «Путь». Николай Александрович Бердяев (1874—1948) — философ, критик.
- 5 «Сентябрь. (...) Базель. Пишу наброски к 6-ой главе «Петербург»; забота, откуда достать денег; переписка с Москвой» (РД). В своих воспоминаниях о Белом Морозова пишет: «Все время пребывания Белого за границей у него шла переписка с Мусагетом, очень нервная и раздраженная. Очень грустно, конечно, что в Мусагете, у Метнера было немного денег и он не мог, не сводя счетов с Белым, прислать ему более крупный аванс, в счет будущего. Б. Н. писал мне, что решил заложить свое имение, но, к сожалению, все это делалось очень медленно и он, бедный, всегда очень нуждался, был постоянно без денег. В нашем издательстве «Путь» мы ему постоянно заказывали статьи и посылали немного денег вперед в счет этих статей. Но это были очень небольшие суммы, не больше тысячи рублей, которые, конечно, разрешить этого вопроса не могли. Кроме того Б. Н. особенно щепетильно и с особой деликатностью относился к нашему изд-ству, зная, что я лично его поддерживаю материально, и потому особенно не хотел, ввиду наших с ним отношений, пользоваться помощью «Пути»» (РГАЛИ. Ф. 1956 (Коллекция рукописей деятелей искусств). Оп. 2. Ед. хр. 10).
- 6 Владимир Константинович Кампиони — лесничий, отчим Аси Тургеневой.
- 7 Слово «лично» дважды подчеркнуто Белым.

А. БЕЛЫЙ — М. К. МОРОЗОВОЙ

<Первая декада сентября (н. ст.) 1912 г. Базель. >

Дорогая, близкая, глубоколюбимая
Маргарита Кирилловна,

Извиняюсь тысячу раз за беспокойство и за первое мое письмо, ибо прежде чем написать его я несколько дней действительно мучился.

Тут ряд сложнейшей путаницы; все время я жил надеждою на то, что к октябрю месяцу уже будет напечатан мой роман (ибо времени было достаточно) и что к октябрю я получаю 1) 1100 рублей за роман, 2) гонорар за мои «Путевые Заметки», которые к этому времени должны были выйти. Но поздней весной я получил известие, что «Мусагет» откладывает печатание¹. С романом же я запоздал; и вот почему. Тотчас после нашего отъезда Э. К. Метнер, точно в насмешку над моим желанием убежать из Москвы для работы, прислал письмо мне, которое я рассматривал просто как личное оскорбление. Продажа романа моему издателю Некрасову рассматривалась; как измена, хотя за 3 месяца до того Эмилий К^арлович дал мне *carte blanche* на роман. И связан я словом был с проектом «Петербургского Вестника» и Вячеславом Ивановым, а не с «Мусагетом». Продажа романа моего состоялась уже после того, как «Петербургский Вестник» провалился, а я уже из-за него отклонил 3 выгодных предложения: а когда отклонил, то узнал, что роман мой «Мусагетом» отложен в долгий ящик (как и «Путевые Заметки»). Все основания были в то время у меня, чтобы думать, что «Мусагет» поставил меня в очень трудное положение (невольнo конечно). И мне осталось одно: скорей устраивать роман (после инцидента с «Русской Мыслью» у меня просто

мания преследования, боязнь, что все обстоятельства сложатся так, что опять я пролетаю с романом)².

Тем не менее, Э<милей> К<арлович> в столь отвратительной форме написал о романе, подобрал все сплетни и гнусности, которые говорили по поводу романа, и облил меня ушатом помой.

Теперь я вижу, что он просто нервно был болен (наше впечатление с Асей), иначе я прервал бы с ним знакомство, ибо письма, которыми он меня угощал в продолжении 1 1/2 месяца меня привели просто в умоисступление, да и не меня одного (все, кому я показывал эти письма, ничего не понимали). Словом: Э. К. Метнер единственная причина, что я 1 1/2 месяца жил в такой психической атмосфере обиды, что писать не мог. И вот эти-то 1 1/2 месяца явились теперь роковыми. Роман опоздал на 1 1/2 месяца и по многим причинам он откладывается вследствие этого и еще.

Так попал я на осень в затруднительное положение. Но в июле я думал, что все же гонорар за «Путевые Заметки» выручит нас. И вот: в августе приезжают в Мюнхен москвичи и сообщают впервые поразившие меня факты: денег у «Мусагета» нет, а «Пут<евые> Заметки» откладываются до 1913 года, что при методе печатания наших книг (у нас печатают годами) для меня значило: «Пут<евые> Заметки» выйдут, дай Бог, в 1914 году... Встревоженный, я хочу подробно все выяснить у Э<милей> К<арловича>. Мне говорят: адрес его неизвестен. Я еще жду. Телеграфирую в Москву. Получаю ответ: адрес неизвестен; и мое объяснительное письмо лежит в Москве без движения. Так в полторы недели рухнули у меня все планы материально устроиться, а уехать от Доктора невозможно еще ряд месяцев.

Совершенно испуганный, зная, что надо отправить Наташу в Москву, что денег хватит лишь на 2 1/2 (максимум на 3 недели), что Э<милей> К<арлович> может держать меня в положении полной неизвестности неопределенное время, я и решил в этом крайнем случае писать. Конечно, денег у нас хватило бы еще месяца на 2, но: мы выписали в Мюнхен Наташу. Наташа такая огромная душа и ей было так трудно: зная, что только Доктор может ей дать то, что нужно, мы скорее выписали ее (тогда мы еще не знали, в какое попадем положение; и это нас круто подвело).

Милая, напишите, сердитесь ли на меня за мое обращение к Вам. Со страхом жду Вашего письма. И горячо Вас благодарю за помощь (телеграмму сейчас получил).

Теперь должен объясниться: извиняюсь за телеграмму. Мы здесь в Базеле 5 дней в полной тревоге. Была возможность занять денег, но время мы упустили, а телеграммами не объяснишь. А наши малые ресурсы свелись к окончательному нулю, ибо 1) в Мюнхене дал одному русскому на возвратный путь (ему не на что было ехать) 100 марок с просьбой немедленно выслать в Базель, 2) А. М. Поццо обещал выслать из Москвы за Наташин проезд³. Но: 100 марок еще не получили. А с посылкой Александра Михайловича напутала почта, и мы еще оказались без 200 марок, так что жили мы в Базеле так: 200 марок не получили. От Вас ответа нет, от Метнера — нет, и стало быть, полная неизвестность: денег же осталось только на то, чтобы заплатить по счету, а потом неделю жить в долг в гостинице; через неделю же вместо лекций Доктора оставалось либо то, что нас вышлют этапным порядком в Россию, или посадят в тюрьму (швейцарских законов я не знаю)... Каждый день ходили на poste restante. И вдруг простуда (у Аси и меня). Помня прецедент с Брюсселем, как мы оба, едва приехав в комнату, свалились в жару и даже не могли никого известить, ни пойти на почту, ни разменять денег, я совсем пришел в ужас (не за себя, конечно — за Асю)... И телеграфировал Вам.

Милая, еще раз простите.

Дорогая, милая Маргарита Кирилловна, теперь хочу сказать Вам о Штейнере. Не случайно попали мы к нему. Он единственный ныне во всем мире, к кому я могу обратиться со словом: «Учитель», ибо только в нем мой путь, оставаясь моим, углубляется в нечто сверхличное и мировое. Милая, если Вы помните меня, если Вы знаете «мое», если верите, что от Христа я не могу отречься, что Он — для меня «Путь и утверждение Истины», то Вы поверите, что розенкрейцеровский путь, проповедуемый Штейнером, есть воистину путь чистого христианства. Не верьте заподозриванию Штейнера: все эти подозрения коренятся в том, что 1) Штейнер в печатных книгах своих не упоминает вслух имя Христово (он не говорит вовне, но работает изнутри во Имя: и работа его — 55 чисто христианских лож и ряд лож во Франции, Голландии, Швейцарии, Швеции, Норвегии и т.д., в которых все штейнеристы, т.е. христиане с реальным практическим путем, с реальной религиозною миссией). 2) Заподозривания Штейнера коренятся в том, что он теософ. Когда говорят «теософия», разумеют Блавадскую, нео-буддизм и т.д.⁴ Но Штейнер теософ потому, что он толкует теософию не в смысле партийного движения в кавычках, а в прямом смысле — в смысле «Божеств^{енной} Мудрости». А более детально определяет свое понимание в розенкрейцеровском смысле. Что же есть розенкрейцеровство? Крест — крест: и этим достаточно сказано; кто Крест называет своим знаменем, тот не может быть не-христианином.

К кресту + присоединяется Rosa, т.е. *Lumen Coeli Sancta Rosa*⁵. Т.е. то, о чем Вл<адимир> Соловьев писал:

Подруга Вечная, Тебя не назову я,
Но Ты пойми мой трепетный напев⁶.

Rosa есть мир и просветленная земля до Афродиты Небесной, т.е. святое Человечество, Св. Плоть, Церковь. Символ Розы — полнота, совершенство, т.е. круг: О; итак символ Розенкрейцеровства ⊕ или ⊙ — 7 роз. И этот знак носят на себе все «теософы» идущие за Штейнером.

Теперь: почему Штейнер «теософ», когда Теософическое > О<бщест>во, как известно, проповедует синтез всех религий? На этот вопрос легко ответить. Близко взглядываясь в жизнь запада, видишь, что запад весь распался на два лагеря, на материалистов и нематериалистов (кантианцев, геккелианцев, эмпириокритицистов и т.д.) и на католиков. Только те и другие — сила. Но сила всяческого католичества в иезуитизме. С иезуитами не только политическая, денежная и quasi-моральная сила, но и сила оккультическая (у иезуитов ряд оккультных школ); в оккультизме же определено два способа действовать, опираясь на скрытые в человеке психические силы; путем воспитания в себе способностей астральных, грубо и тонко-чувственных: сила действия, основанная на этих способностях, и есть собственно магия; и другой источник: оккультное воспитание чисто духовных способностей (не душевных только), второй способ сложнее, тернистее, мучительнее, длительнее, но только он приводит в итоге к действию; это и есть белая магия, противоположная черной магии восточных оккультистов и серой, т.е. смешанной магии, развиваемой в иезуитском ордено, т.е. в католичестве (ибо за спиной официального католичества прячутся иезуиты).

Нечего бояться этого жупела «оккультизм»: «оккультный» — значит тайный — вот и все; что события мировой истории подготовляются тайными силами (черными и белыми) это мы знаем; что Европа, а с ней и мы бессознательно превращаемся черными силами в марионеток — это

мы все узнали хотя бы потому, что все «светлые» начинания у нас неизбежно срываются, а все «темные» процветают. Что нам готовят духовную Цусиму, это мы знаем. И потому-то выступление Штейнера, светлого и величайшего окк<ультиста> XIX столетия, на общ<ественную> деятельность вызвано тем, что пришла крайняя пора.

Штейнер выступил из ф<ратства> 8—10 лет тому назад. И присоединился ради тактики к Теос<офическому> Общ<еству>. Почему именно к Теос<офическому> Общ<еству>? Это опять-таки понятно. Индивидуально идти в то время было нельзя. С материалистами и иезуитами тоже. С «теософами» в то время можно было идти, ибо сперва Теос<офическое> Общ<ество> стало проповедовать так вообще интерес к мистике востока, и туда стеклось все недовольное оф<ициальным> католичеством и материализмом. Штейнер вошел в Общ<ество>, когда оно уже имело до 300 отделений, т.е. громадную аудиторию и расколол все Общ<ество> на два враждующих стана. Теперь нет теософов так вообще. Есть штейнеристы, т.е. христиане с розенкр<ейцерским> оттенком, и безантисты, т.е. буддисты. Лишь последние года восточная теософия перешла от нейтральной позиции либо в антихристианство, либо в фальсиф<икацию> христианства; и Штейнер гениально 1/2 членов Общества, т.е. многие тысячи вырвал из буддизма. Если б 8 лет назад он не вошел в Теос<офическое> Общ<ество>, эти многие тысячи впали бы в беспросветный буддизм.

Теперь же, на съезде немецких теософов в Мюнхене, все время раздавались протесты против буддизма и восточной опасности. Штейнер и Безант, (лидер буддизма в Европе) не могут вместе работать; либо Штейнер в течение этого года вырвет знамя движения у Безант и вся громадная организация Теос<офического> Общ<ества> станет чисто христианским обществом, либо Штейнер уйдет, а с ним уйдут тысячи. Теос<офическое> Общ<ество> в сущности нет: центр восточных теософов не в Теос<офическом> Общ<естве>, а в ложе Восточная Звезда, устроенной на случай если из Теос<офического> Общ<ества> принуждены будут уйти буддисты; и обратно: только что возникло Антропософическое Общ<ество> Штейнера, куда записываются тысячи теософов, чтобы в случае ухода Штейнера из Общ<ества> выход был организован.

Когда у нас говорят о теософии, то говорят абсолютно не зная действительного положения вещей.

У Штейнера есть основания (и, верьте, — серьезные) не читать и не печатать того, что составляет основу его христианской доктрины: эта доктрина изложена в 15 печатных курсах лекций, циркулирующих в тысячах экземплярах на правах рукописи. Там рассказаны столь эзотерические вещи, что нужна гарантия и личное доверие к человеку, чтобы дать ему возможность прикоснуться к этой доктрине: скольким бы из нас следовало поступать так. Энергия Штейнера неутомима: 8 лет непрерывно разъезжает он по Европе из города в город и везде лично читает, лично учит, лично организует кружки; и за ним следует поезд его учеников. Последний курс в Мюнхене «О посвящении» — я до сих пор не могу опомниться, такая глубина и сила звучала в нем, а теперь на днях начнется более интимный курс в Базеле «Ев<ангелие> от Марка»; и ученики его говорят, что мюнхенский курс игрушка сравнительно с глубиной предстоящего.

Человек за последние 3 года прочел два громадных курса о «Евангелии от Иоанна», огромный курс «Апокалипсис», курс «Ев<ангелие> от Матфея», курс «Ев<ангелие> от Луки»...¹⁰

Только что 6 месяцев тому назад в Карльсруэ он прочел курс о Христе¹¹, а теперь читает «Еван<елие> от Марка», а Николай Александр<ович> Бердяев мне пишет такую наивность: «Почему в «Пути к посв<ящению>» нет ничего о Христе?»¹² Почему же Ник<олай>

Алекс<андрович> не удосужится лично побывать у Штейнера? Про Штейнера так много говорят в Москве, что следует точнее знать о том, что такое сейчас происходит в Германии. У Штейнера есть свои веские и серьезные причины пока в книгах не писать на такие темы, на какие у нас в России в качестве отсебятины выпускаются фонтаны книг. О причинах этих в письме неуместно распространяться.

Кроме громадного общественного значения деятельности Штейнера в 55 немецких ложах и во многих заграничных более всего к нему притягивает личное учительство. Штейнер прежде всего учитель в том смысле, в каком может быть учителем у нас, в России, старец, например, а не только писатель, составитель рефератов и т.д. И учительство его действительное и реальное. Он учитель такой, какие бывают раз в столетие; что старчество возможно, знаю я по опыту бывшего общения с епископом Антонием¹³. Но что такое по духовному опыту епископ Антоний сравнительно с Штейнером? Карлик!..

Я, дорогая Маргарита Кирилловна, несмотря на мою сравнительную нестарость слишком все же стар и серьезен, чтобы пробавляться суррогатами духовной пищи вроде наших московских или петербургских все тех же словопрений и словоизлияний логосовских, мусажетских, свободнoэстетических, новопутейских, даже — путейских. Все это слова и слова: а мне нужно подумать о том, как созреть для работы. Пришло время для серьезного. Книги читать, конечно, хорошая вещь (я сам пишу книги и подчас замысловатые); и учиться мне в России воистину не у кого. Книги всех друзей и знакомых — но содержание оных знакомо за 6 месяцев до выхода книги. А учиться я хочу, ибо вполне сознаю наше всеобщее незнание основ жизни и духовного пути. Учился бы у схимника: но схимник запер бы меня в монастырь. А вне монастыря у нас нет: ни голоса Церкви, ни голоса Учителя, говорящего для мира, в миру, к миру. И потому в этом миру я предпочитаю быть на поверхности декадентом-эстетом, нежели книжным работником и публицистом того, что не книга и не публицистика.

Кроме Вл<адимира> Соловьева христианская общественность не явила нам, необщественникам-эстетам, ни одного реального учителя, а только романописателя Мережковского, публициста Бердяева и др. Они все только реферируют и реферируют. А у референтов референту нечему научиться. Мы, декаденты, или гибнем, как гибнет Блок, или путаемся в смешениях, как Иванов, или безумствуем, как Эллис, или бросаемся странствовать, взыскуя о Граде, как Александр Добролюбов¹⁴; но мы ищем, все еще ищем: ищем реального Хлеба Жизни. И когда видим этот хлеб, то бросаем все и идем за ним. Неудивительно, что совершенно реальный путь ученья, который встречает у Штейнера каждый серьезно приходящий к нему, как я или Эллис, а не декадентски прискакивающий и усколивающий (как М. В. Сабашникова — прости Господи: не люблю ее; она своими рассказами отпугнула от Доктора Эмилия Карловича) — притянул меня навеки; ибо серьезно желающий быть учеником временно умирает для всех, для всего и следует за учителем. Милая, дорогая, не сердитесь на этот азартный тон; но он ответ на, конечно, осуждения меня и толки: «что мол погиб я, бедняжка: погиб навсегда».

Если Вы думаете, что я погиб, милая, мое единственное желание, чтобы все любимые мной друзья ехали к Доктору, чтоб погибнуть как я, ибо: «горчиное зерно не прорастет, аще не умрет»¹⁵.

Милая, Христос с Вами! И желаю Вам однажды моей гибели.
Остаюсь глубоко любящий Вас

Борис Бугаев.

От Аси сердечный привет. Катерине Ивановне наш сердечный привет.

- 1 Первая часть «Путевых заметок» Белого появилась только в 1922 г. под названием «Офейра» («Книгоиздательство писателей в Москве», 1921 на обложке), а более полная редакция в том же году в берлинском издательстве «Геликон» («Путевые заметки», т. 1, Сицилия и Тунис). Вторая часть, под названием «Африканский дневник», была опубликована в 1991 г. в первом выпуске «Российского архива» (Москва), с предисловием Н. В. Котрелева, в котором кратко излагается история писания и печатания книги.
- 2 Подробно о восприятии «Петербурга» петербургскими литераторами, о конфликте с «Русской мыслью» и о попытках В. И. Иванова, А. А. Блока и других друзей Белого найти издателя для его романа см.: «Инцидент с «Петербургом»» в кн. Белого «Между двух революций» (1990), с. 437—440, и Долгополов Л. К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург». — в кн. *Белый «Петербург»* (Л., 1981), с. 554—560.
- 3 Александр Михайлович Поццо (1882—1941) — юрист, редактор московского журнала символистского уклона «Северное сияние»; антропософ, жил много лет в Дорнахе. Муж Н. А. Тургеневой. Умер, как и она, в эмиграции.
- 4 Блаватская (у Белого чаще всего неправильно «Блавадская») Елена Петровна (1831—1891, урожд. Ган) — русская основательница (вместе с американским адвокатом Col. Henry S. Olcott (Олкотт)) Теософического Общества в Нью-Йорке (осенью 1875 г.).
- 5 «Свет Небес — Святая Роза» (*лат.*). См. стихотворение 1901 г. под тем же названием в сб. Белого «Золото в лазури», в цикле «Багряница в терниях».
- 6 Неточная цитата третьей и четвертой строк первой строфы поэмы «Три свидания» (1898) Соловьева: «Подруга вечная, тебя не назову я,/Но ты поцудешь трепетный напев...».
- 7 Анни Безант (Annie Besant, 1847—1933) — английская писательница и общественный деятель (Fabian Society, Secular Society), одна из лидеров Международного Теософического Общества, с 1907 г. — его председатель.
- 8 В 1911 г. Безант основала внутри Теософического Общества «Орден Восточной Звезды», чтобы пропагандировать ее новое «открытие»: молодого индуса Джидду Кришнамурти (1895—1986), в котором она видела воплощение («аватар») Христа, чуть ли не Второе Христово Пришествие. Штейнер, глава немецкого отделения Теософического Общества, категорически отвергал это «богохульство» и, вообще, «буддийский уклон» Безант. Их идеологическое несогласие неизбежно привело к расколу Общества в начале 1913 г.
- 9 В Базеле, от 15 до 24 сентября (н.ст.) Штейнер читал десять лекций на тему «Das Markus-Evangelium».
- 10 Штейнер прочитал двенадцать лекций на тему «Das Johannes-Evangelium» в Гамбурге между 18 и 31 мая 1908 г. В Нюрнберге, 17—27, 29—30 июня 1908 г. он прочитал тринадцать лекций на тему «Die Apokalypse des Johannes». В Берне между 1 и 12 сентября 1910 г. он прочитал двенадцать лекций на тему «Das Matthaus-Evangelium», а 15—21, 24—26 сентября 1909 г. в Базеле десять лекций на тему «Das Lukas-Evangelium».
- 11 Штейнер читал свой курс из одиннадцати лекций «Von Jesus zu Christus» 4—14 октября в Карлсруэ.
- 12 См. письмо от 8 июня (ошибочно в публикации датировано 8 мая), где Бердяев пишет: «Окультизм Штейнера считается христианообразным,

- формой христианского гностицизма. Почему же в «Пути к Посвящению», который есть путь к спасению, нет Спасителя, нет Христа?». — «Н. А. Бердяев об Антропософии. Два письма <1912> Андрею Белому». — «Новый журнал», 1979, № 137, с. 119.
- 13 Антоний, епископ (в миру Михаил Флоренсов, 1847—1918), жил на покое в московском Донском монастыре с 1898 г. Белый общался с ним, по настоянию Петровского, ранней осенью 1903 г.
- 14 Александр Михайлович Добролюбов (1876—1944?), поэт-декадент, бросил литературу и стал религиозным проповедником. Для Л. Н. Толстого уход Добролюбова в народ был наглядным способом решения разлада между проповедью и образом существования (см. запись Толстого в «Дневнике» от 20 июля 1907 г. — Полное собр. соч. М., 1956. Т. 47. С. 282—283). Иванов — имеется в виду, конечно, поэт и теоретик символизма Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949).
- 15 См. «Евангелие от Иоанна» 12:24: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

А. БЕЛЫЙ — М. К. МОРОЗОВОЙ

<Вторая декада сентября (н. ст.) 1912 г. Базель. >
Базель. Сентябрь.

Дорогая, глубококолюбимая и близкая мне
Маргарита Кирилловна,

позвольте мне Вас безмерно благодарить за ту громадную дружескую услугу, которую Вы мне оказали¹. Вы не можете себе представить, что Вы сделали для меня, как меня выручает Ваша отзывчивость, как я буду помнить это всю жизнь.

Роковой вопрос для нас с Асей благодаря Вашему содействию разрешен. Мы спокойно теперь слушаем курс доктора Штейнера.

И что это за курс!

Если бы Вы, я, кто другой (для этого надо быть только искушенным в лекциях) выслушал случайно одну только лекцию, он был бы потрясен до глубины всех основ; он вспоминал бы слышанное, как нечто самое яркое, что было с ним в жизни: ибо каждая лекция огненной, дерзновенной, мудрее суммы всех лекций, на которые попадаешь. Ни Мережковский, ни Иванов, никто из наших, московских, несравним, не дает даже десятой доли того, что светом вырывается у Штейнера. Услышь я где-либо, когда-либо любую из ныне читаемых лекций, я вспоминал бы лекцию эту всю свою жизнь. А подумайте: мы в потоке таких лекций; мы слушаем их каждый день; каждый день мы приходим ослепленные, оглушенные. 3 недели назад мы слушали мюнхенский курс. Содержание курса: что требуется от человека, приближающегося к посвящению. Курс этот нас раздавил: доктор гремел, взывал и вопил такими вещами, что мы, аудитория, как мелкие камешки были стерты буквально в порошок под ударами его молота: гигант, подбрасывающий стопудовые гири, с мизинца бросал в нас десятипудовыми гирями; эти гири падали на нас. Хотелось вопить: «Оставьте, оставьте! Я только человек и едва поднимаю 3 пуда: под десятипудовую гирю раздавливаюсь я». Тяжестью ответственности раздавил мюнхенский курс.

А базельский — совершенно иной тональности: легко, пестро, изящно проносится все время развернутый полет истории. Встает образ Гектора и Гамлета; Эмпедокла и доктора Фауста; потрясаясь жив Софократ. Гениально по-новому освещаются Рафаэль, Шеллинг, Фихте и

Гегель. Издали поднимается образ Будды; еще далее колоссальнейший Кришну; новая та перекличка веков, тысячелетий, культур — только фон, на котором с величайшим драматизмом, с потрясающей красотой (не говоря уже о чудовищном мистическом озарении) вылепляются фигуры Иоанна Крестителя и Христа; наконец в ярком свете встает сам автор евангелия, евангелист Марк (заглавие курса «Евангелие от Марка»).

Нет, одно повергает меня в негодование. Я понимаю: можно в Докторе видеть опасность, бороться с ним религиозно и т.д. Это все я понимаю. Я не понимаю одного: как можно эту красоту назвать скучными речами пастора, как называет Э. К. Метнер. Так сказать — значит быть слепым и глухим. Так сказать — значит выказать совершенное безвкусие в понимании красоты (я беру лишь пока эстетический критерий); более того: так сказать — значит вырыть бездну между нами. Ибо тут примиренья быть не может — так сказать: оскорбить во мне художника. Или я идиот, или я во всей жизни моей не проявил ни одного жеста вкуса, чудовищно ненаблюдателен, туп, как художник — бездарность, необразован, в жизни моей не видел ничего замечательного, что как мальчишка, услышав доктора Штейнера, воскликнул: «Ничего я в жизни прекраснее не слыхивал» (я беру только пока эстетический); или я все это или... Эмилий Карлович Метнер, увидевши и услышавши Штейнера, проявил жест толстокожего носорога: прободал рогом своей нечуткости нежную фреску Джотто. Все я прощу Э. К. Метнеру из великой любви к нему. Не прощу одного: я думал, что он с тонким вкусом, а он был на лекции Штейнера — ничего не увидел, ничего не услышал. Значит все, о чем мы говорили эти 10 лет, в чем согласились, в чем условились — одно сплошное недоразумение, и мы говорили о совсем, совсем разных вещах.

Ибо для меня Штейнер безмерное углубление полусознательных моих грез, меня самого. Ибо то, что он полюбил косноязычное лепетанье моих стихов и симфоний — то же, все то же, только в 1000 раз сильнее гремит, вопит, рыдает в Штейнере, заливается смехом и слезами, тихо грустит и снова, и снова: раздражается громом.

За что меня любил Эмилий Карлович, не знаю, ибо то, что он во мне любил — это вот (только в миллион раз сильнее) осуществилось. Осуществление — Штейнер. Если он над Штейнером глумится, то для меня это значит: он не глумился над моим только потому, что мое говорило намеками, и он в мое вложил свой, мне чуждый, мне далекий смысл.

Вспоминая слова о Докторе Э<милия> К<арловича>, я почти плачу: нет, ему я не напишу всего этого. Я не хочу его огорчить.

Или в Эмилия Карловича вселился черт?

Правда: за последние 5 лет Штейнер все разворачивается в лекциях; каждый следующий курс ослепительней отдается в сердцах. И доселе на публичных фортаграх для идиотов Штейнер прикидывается рационалистом и педагогом; но: из того, что он углубляет свои темы для нас, еще не значит, что он развивается сам. Ибо 8 лет тому назад, при начале своей деятельности в малой кучке своих учеников говорил он громадное; идиоты-ученики ничего не понимали; и он стал уж позднее применяться к пониманию (а то и он бы прослыл «декадентом»). Только так могло создаться то обманчивое впечатление, что он пастор, что лекции его скучны и банальны и т.д.

Но как пронизательному критику и человеку со вкусом не увидеть все это сквозь quasi-банальную простоту штейнеровских слов — с этим я не могу примириться; с этим я не хочу примириться!

Ну вот видите, милая Маргарита Кирилловна, я хотел только Вас горячо поблагодарить, а отвлекся и раскрычался. А все оттого, что люблю Э. К. Метнера. И не могу ему простить его отношение к Штейнеру...

Еще раз горячее, горячее спасибо за помощь. Деньги я получил. Милая, если действительно Вы мне можете помочь до декабря, то громадное, невыразимое спасибо. Адрес мой после первого октября будет вероятно: Берлин. Poste restante. Если случится неожиданность, и мы еще не попадем в Берлин, телеграфирую Вам. Но во всяком случае скоро пишу.

Остаюсь глубоко любящий и преданный

Борис Бугаев.

P.S. От Аси сердечный привет.

[По-видимому, конверт со штемпелем Basel. 20.IX.12./Оболенское Калуж. губ. 11.IX.1912 — от этого письма.]

- 1 Белый отвечает на следующее письмо Морозовой, датированное 26-го августа 1912:

Дорогой и милый Борис Николаевич,

Уезжала на неделю и проездом через Москву нашла Ваше письмо, которое меня ждало здесь. Спешу ответить! Дорогой друг, будьте ради Бога спокойны и уверены в моей любви и дружбе к Вам! Милый, дорогой, сделаю все как Вы пишете. Мне удобнее послать по 300 р. — 1-го сентября, 1-го октября и 1-го ноября и 200 р. 1-го декабря. Так и будет! Завтра (27-го) высылаю 300 р., т.к. сегодня воскресенье. Это не от Пути, а от меня лично; будьте уверены, что никому я сообщать не буду, это наше с Вами дело. Отнеситесь к этому покойно, когда будут деньги — отдадите. Дорогой мой, я понимаю, что Вам тяжело все это, но что же делать, это временно, Бог даст. Только бы ко благу Вам было все то, чему Вы отдались, а все остальное приложится! Дай Бог, чтобы встреча со Штейнером и вся эта связанная с ним внутренняя работа и борьба, к которой он призывает, дала Вам все то, чего ищет Ваша светлая душа! Неужели так долго мы не увидимся? Буду надеяться, что через год Вы вернетесь к нам светлый, сильный и воинственный! Не забывайте любящих Вас друзей! Меня не забывайте, дорогой друг, я Вас всегда люблю и благодарю за все светлое, которым Вы поддержали мою душу! Сердечный привет Асе. Напишите подробнее о Вашей жизни и обо всем вообще! Будьте покойны, работайте! Будет, будет хорошо! До свиданья.

Любящая Вас

М. Морозова.

Еду в Михайловское. До 20-го сентября адрес мой: Почт. ст. Оболенское Калужской губ.

<Штемпель: Москва. 28.8.12./Basel. 13.IX.12.>

(РГБ. Ф. 25 (Белый). Картон 20. Ед. хр. 12).

- 2 Слово «пока» дважды подчеркнуто Белым.
- 3 «Но» дважды подчеркнуто Белым.

А. БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

< 6/19 сентября 1912 г. Базель. >

Дорогая моя, милая моя,

пишу Тебе из Базеля. Под впечатлением лекций Доктора. Каждый день мы возвращаемся домой потрясенные, почти убитые слышанным. Мюнхенский курс был великолепен. А базельский уже нечто неопишемое: ос-

тается одно — слушать смиренно. Послезавтра у нас свидание с Доктором, за городом, где он живет. И тогда же решится наша судьба. Милая, а должно быть мы теперь не вернемся в Россию: прямо поедем в Берлин, к Доктору, ибо мы только вступаем на путь ученичества; и первые шаги этого пути надо преодолеть под непосредственным руководством Учителя. Мы уже слишком приблизились к Доктору, чтобы отступить; и еще недостаточно сильны, чтобы мочь уехать без опасных последствий.

И так родная, 9/10 за то, что мы остаемся на зиму при Докторе. Мамочка, грустно, что Тебя еще долго не увидим, но верь: мы поступаем единственно разумно.

После курса Доктор уедет отдыхать в Италию на месяц, а мы вероятно недели на 2 останемся в какой-нибудь деревушке в горах, отдыхать от курса и работать. Потом — в Берлин. Сейчас сидела у нас Mlle Анненкова и рассказывала про Тебя: она с Тобой встретилась у Христоворовой².

Здесь в Базеле очаровательно: теперь солнце и тепло; вчера были в горах, за городом. Мы сидим на лекции рядом с Madame Недович и с русскими. Несколько дней назад к нам в гости из Лозанны приезжал Вячеслав Иванов; прожил с нами 3 дня и уехал³.

Милая, пиши же скорей; впрочем, мы уже не получим Твоего письма в Базеле. Это ничего: poste restante перешлют по назначению. А потому-то пиши: Suisse. Bâle. Poste restante.

Милая моя, Христос с Тобой, горячо целую Тебя, крепко люблю и остаюсь нежно преданный Тебе

Твой Боря.

Ася целует Тебя тоже и на днях пишет: сейчас она страшно занята.

[Почт. штемпеля: Basel. 19.IX.12./Москва. 9.9.12 и 10.9.12.]

[До слов «Здесь в Базеле очаровательно» — карандашом, далее — чернилами.]

- 1 Встреча со Штейнером состоялась 24 сентября (н.ст.): «5-ое свидание. 24 сентября. Подробный отчет Доктору о ходе работы. Одобрение Доктора. Присоединил к 3 медитациям четвертую. И задал работу. Базель» («Свидания с Доктором»). Ср. РД: «[Сентябрь. Базель.] Отчет доктору Штейнеру о работах, ответственный разговор с ним и огромные уздания от этого разговора (кстати: первая встреча с К. Н. Бугаевой в комнате у Штейнера)».
- 2 Ольга Николаевна Анненкова (ум. 1949) — теософка-антропософка, переводчица, упомянута как кузина («Леля») поэта и критика Бориса Дикса (псевд. антропософа Бориса Алексеевича Лемана, 1880—1945) в кн. «Между двух революций» (с. 76). Слушала курсы Штейнера в Европе, участвовала в постройке Гетеанума в Дорнахе, одна из основательниц Русского антропософского общества.
- 3 В сентябре 1912 г. «приезд В. И. Иванова к нам в Базель; ряд бесед; попытка вместе с В. И. Ивановым нанести визит Штейнеру (его не оказалось); отъезд Иванова» (РД).

А.БЕЛЫЙ—А.Д.БУГАЕВОЙ

< 17/30 сентября 1912 г. Базель. >

Дорогая, близкая мамочка,

едем из Базеля. Доктор Штейнер ждет нас в Берлин, где будем около 20 октября нового стиля, т.е. числа 10 октября нашего. Пока же Штей-

нер едет отдыхать в Италию, а мы работать куда-нибудь в тишину. Мы пока выбрали себе Фирвальдштетское озеро; наметили деревушку в горах (на берегу озера) около Люцерна. Пока адрес наш Suisse. Luzern. Poste restante. Когда будет определенный адрес черкну. Из Люцерна же пишу Тебе подробно о Докторе, о нас, о наших работах, о том, почему мы должны остаться в Берлине, почему уехать теперь нам нельзя. Все благополучно: мы здоровы; едем — Ася писать, я доканчивать роман и также работать для Доктора. Всю эту неделю не мог писать писем, ибо с утра до ночи мы разрывались на части: было много знакомых. 500 теософов (с лишком) приехали ведь сюда следом за Доктором. В Мюнхене (на курсе) было 1100 теософов (человек 30 из России). В Берлине будет все интимнее; можно будет больше говорить с Доктором Штейнером; кроме того, лекции будут интимнее (в ложе, для постоянных членов). О. П. Сизова (жена Михаила Ивановича) остается в Мюнхене навсегда изучать медицину под руководством учеников Доктора. Эллис просит Тебя передать, что вспоминает Тебя, вспоминает «кинематограф»¹, наши собрания у нас. Ему хорошо: он поручен опытной ученице Доктора; и вообще изменился до неузнаваемого. Милая, вообще здесь хорошо, тихо, спокойно. Только устаешь от работы.

Остаюсь глубоко любящий Тебя

Боря.

P.S. Ася Тебя целует. Посылаем наши карточки.

[Почт. штемпеля: Vitznau. 1.X.12./Москва: 21.9.12 и 21.IX.1912.]

- 1 См. главку «Кинематограф» в кн. «Начало века» (с. 290—298): «Великолепно под музыку изображал он [Эллис] все что угодно; мама садилась играть кинематографические вальсы, которые он ей заказывал; а он изображал, как танцевали бы вальс любой из знакомых, изображал сложнейшие сцены кинематографа» (с. 296—297).

А.БЕЛЫЙ — М.К.МОРОЗОВОЙ

< 19 сентября/2 октября 1912 г. Vitznau. >

Дорогая, близкая, глубоколюбимая
Маргарита Кирилловна,

пишу Вам под впечатлением базельского курса Доктора. Во-первых, как нас всех измучил этот курс! Подумайте: две недели громовых, головокружительных лекций, извне, эстетически, гениально построенных, гениально произнесенных; нечего прибавлять, что внутреннее содержание для нас <с> Асей, конечно, доминировало в лекциях, ибо твердо я знаю, что сейчас во всем мире единственно от Штейнера можно услышать то, что слышишь. Я удивляюсь чисто внешней структуре этих лекций, ибо как ни поразил меня мюнхенский курс красотой построения, все же я не думал, чтобы в Докторе сидел такой огромный художник; не употребляя столь осмеянных слов, как теософ, оккультист, я скажу только: может быть в произведениях Ницше встретишь отрывки столь же большого напряжения, смелости образов и сочетания слов, как слышанная нами на протяжении двух недель речь Доктора.

Когда Э. К. Метнер Вам будет Штейнера ругать, то вспомните одно: хотя Э. К. Метнер и ценитель искусства, но он не художник: только этим объясняю я его заявление мне: что Доктор ему абсолютно не симпатичен. Последняя лекция курса «Евангелие от Марка» была уже не

лекций; зал буквально просил от ауры Доктора; все сидели, как очарованные; когда Доктор ушел с кафедры, то около 600 человек продолжали сидеть; никто не двинулся, никто не нарушил странной тишины и какого-то Невидимого Присутствия в зале. Это вышло естественно: молитвенным молчанием можно было ответить на то, что только что перед тем совершилось.

Потом вдруг, как по команде, встали, задвигали стульями, загудели.

Некогда В. С. Соловьев писал о теургии, писал о теургии и я в 1904 году¹; писал и Н. А. Бердяев. Но все то слова, слова, слова. Есть отблеск какого-то теургического действия в «Трех разговорах», в стихотворениях В. С. Соловьева. Это уж не слова... И сплошное теургическое делание — интимные курсы Доктора; меняется атмосфера зала, приходишь домой: меняется душа. И главное: все о том же, о том Докторе, о чем писал В. С. Соловьев в последние годы жизни:

Что-то в слово просится, что-то недосказано,
Что-то совершается, но ни — здесь, ни — там².

И ничего не совершается, когда мы, грешные, пишем о том, что «надо, чтобы совершалось». Теургия — вот что близко мне в Докторе: а как там это называется у немцев, это мне все равно: «теософия», «оккультизм» — обо всем этом можно написать умную книгу, согласиться или не согласиться с историей теософии или историей оккультизма. Только все эти согласия или несогласия с теоретическим положением того или иного исторического течения не касаются Доктора, ибо он — для меня явление, еще небывалое в истории; и он о нашем, заветном, о Христе. А как он в историческом моменте соединяется с теософией или отталкивается от теософии, это все проблема тактики и чисто внешней ориентировки. Кто-то мне писал: «Можно ли сравнивать Якова Беме с Доктором!»³ И я согласился: «Конечно нельзя: Доктор бесконечно нужнее, важнее Якова Беме». Он открывает и учит о мистериях, он реально учит, реально дает возможность себя проверить (в чем я уже убедился). У Доктора есть ряд учеников, которые ему сдают уроки, которых он реально направляет; к числу многих учеников теперь присоединились и мы с Асей. И оттого-то вот нам нельзя надолго отлучаться от Доктора, ибо и я, и она находимся под личным его руководством. Уехать, едва встав на путь обучения, очень, очень, очень опасно и физически, и этически. Доктор предупреждает: «хотите у меня работать?» — «Да»... — «Предупреждаю, что работа трудна и отступление от предписаний может быть гибельным... Выполнение же точно уроков только укрепляет здоровье».

Такое происходит между Доктором и вступающим на путь ученичества, после чего на первых шагах (год, два) надо быть всегда недалеко от Доктора, ибо могут наступить такие моменты, когда внезапно понадобится помощь Учителя; в начале оккультного пути у всех бывают неизбежные детские болезни пути (своего рода скарлатины, кори и т.д.); в присутствии Доктора течение их — пустяки; без Доктора могут быть очень серьезные последствия. Далее: Доктор на первых порах требует строгого отчета в работе; и отказывается вести ученика, если он нужное время не может при нем быть.

Издаю все это Вам, дорогая Маргарита Кирилловна (все это между нами) для того, что не праздный эпикуреизм, не самоуслаждение оставляет нас при докторе, а необходимость суровая, строгая: чувство ответственности и желание вернуться в Россию воином, а не, так себе; ибо все вне реальной работы, вне реального приближения к скрытым от нас мирам — так себе. Вы спросите: для чего же приближаться? Для чего такое самоуглубление, для чего, наконец, оккультная работа над собою, в себе?.. Я скажу на это одно: без знания (реального зна-

ния) своей оккультной анатомии и физиологии непонятна анатомия и физиология окружающей нас действительности; наша общественная деятельность, наше стремление работать на благо страны эфемерны, раз мы реально не знаем анатомии себя самого; не теоретическому гнозису учит теософия розенкрейцерства, а гнозису практическому, строя его на фактах, лишь оформливая их. Только факты эти требуют, чтобы открылись в физических глазах другие глаза; а чтоб открылись глаза нужна операция раскрытия; это и есть работа у Доктора ряд операций открытия себя самого; Вы, допустим, такая:

а физически Вы видите себя такой:

Вы физическая вписаны в другую

надо себя узнать во всем объеме, хотя бы для того, чтобы узнать во всем объеме каждого, Вас окружающего; а это опять-таки надо для настоящей работы с людьми, в мире: ибо силы, определяющие течение событий, с которыми мы считаемся, истекают из сфер, нам неизвестных, и работая над тем, что доступно лишь физическому зрению, мы в смешном положении; работа наша зачастую работа тщетная. Все это прекрасно понимает русское старчество; но старцы, это люди, часто инстинктивно лишь, чутьем чующие реальность и целесообразность молитвенной медитации; и потом: старцы и их присные покидают мир реальной работы. Штейнер для меня этот тот, кто сознательно проработал себя для того, чтобы не бесплодна была его работа на пользу грядущего; штейнерьянство это своего рода старчество, но: остающееся в миру, для мира и сознательно знающее, что грядущее требует, чтобы в близком будущем реально подняли знамя Христово, ибо приближаются великие времена, о них же писал Соловьев: «Знай же, Вечная Женственность ныне в теле нетленном на землю идет»⁴. И далее: «Змей поднимает последние свои силы».

Мало одной веры, одного исповедания: нужно реально поднять Знамя; мало носить на себе Крест, нужно, чтобы Крест Христов был в Тебе возжен, чтобы он пресуществлял самую кровь Твою.

Работа, на которую указывает Доктор, есть начало великого пресуществления той части человечества, которая в будущем должна будет стать как рать, когда «Змий Древний» поднимет свои последние силы⁵.

Милая, не самолюбивое чувство, не вера в себя или в свое будущее, а смиренное сознание своих слабостей, нашей общей беспомощности в реальном, и т.д. удержало меня при Докторе. А обзор последних четырех лет в Москве, т.е. все неврастеническое безобразие, вся канитель, которую поднимают лучшие из нас, едва касаясь дела — этот обзор показал мне, что ждать нечего: надо сызнова всему разучиться и всему научиться.

До сих пор жили в Базеле. Доктор уехал на 3 недели отдыхать пред Берлином. В Берлине у нас свидание. Эти 3 недели выждем в деревушке на фирвальдштетском озере, где наш адрес приблизительно до 10 русского октября⁶. Здесь тихо, нет туристов (все разъехалось); только

горы, да вода. Итак точный наш адрес теперь таков: Schweiz. Vitznau (Vierwaldstättersee). Poste restante. Herrn Boris Bugaieff.

Остаюсь глубоко преданный Вам, глубоко любящий, глубоко благодарный. Ася приветствует Вас.

Борис Бугаев.

[Конверт: заказное письмо. Почт. штемпеля: Vitznau. 2.X.12./Москва. 22.9.12.]

- 1 В «Философских началах цельного знания» Соловьев, в частности, писал: «наконец, мистика, изящное и техническое искусство являются как одно мистическое творчество, или **теургия**, а все вместе представляет одно религиозное целое» (Сочинения в двух томах, т. 2, М., 1988, с. 156. См. также с. 174, 177, 199 (теургия как цельное творчество)). Статья Белого «О теургии» была опубликована в 1903 г., в девятом выпуске журнала «Новый путь».
- 2 Строки 3—4 второй строфы стихотворения «Les revenants» (1900), одного из последних стихотворений Соловьева.
- 3 Возможно, что имеется в виду Бердяев, который в письме к Белому от 8 июня 1912 г. писал: «Штейнер же во многом следует за Беме, но что у Беме гениально, то в книгах Штейнера скучно. В центре мистики Я. Беме Христос, у Штейнера же нигде нельзя найти Христа» («Новый журнал», 1979, № 137, с. 121). Ответные письма Белого утрачены.
- 4 Первые две строки восьмой строфы стихотворения «Das Ewig-Weibliche. Слово увещательное к морским чертям» (1898).
- 5 См. «Апокалипсис» 12.
- 6 1—26 октября 1912 г. Белый провел в Фицнау на Фирвальдштетском озере (Швейцария). «Октябрь». Фицнау. Наша жизнь с Асей в полном одиночестве; чтение «Geheimwissenschaft» [«Die Geheimwissenschaft im Umriss» Штейнера, 1910]; чтение **Goethes Weltanschauung** [Штейнера, 1897]. Чтение курса Штейнера «Дети Христа и Люцифера» [скорее всего: «Der Orient im Lichte des Okzidents. Die Kinder des Luzifer und die Brüder Christi», 1909]. Усиленная медитационная работа и приготовление схем и отчетов Штейнеру, отнимающая все время; чтение, пристальное, «Заратустры» и «Ессе homo»; (...) пишу для «Трудов и дней» две статьи: «Круговое движение» и «Круг, линия, спираль символизма» (РД).

А.БЕЛЫЙ — А.Д.БУГАЕВОЙ

< Конец октября (н. ст.) 1912 г. Vitznau. >

Дорогая близкая мамочка,

прости за долгое мое молчание о нас. Очень порадовала Ты нас своим <предстоящим> приездом в Берлин. Мы там будем к концу ноября. Теперь же едем в Штутгарт. Работа Доктору разрастается у нас с Асей; кроме данных Доктором правил, мы ему сдаем кое-что: вроде уроков. И вот: Доктора нам нет смысла видеть ранее ноября, ибо ранее ноября не поспеет работа. Мы же едем в Штутгарт, потому что нас зовет заниматься с нами одна из лучших учениц Доктора. Штутгарт недалеко от Мюнхена. В Мюнхене Доктор будет к 10 ноябрю нашего стиля (он прочтет там курс); и после мы за ним уже переедем в Берлин.

Пока же мы в Vitznau: Тебе не писали, потому что работаем с утра до ночи: и Ася, и я.

Мы одни в отеле. Туристов — никого. Кругом горы, снега. И нам это на руку; окна наши над озером. С балкончика видны невероятные

утесы. Vitznau от Фицэлена очень близко; и если ты в Люцерне была, то ты мимо Vitznau проезжала. Милая моя, приезжай же в Берлин, только извести нас за месяц; дело в том, что может быть на Рождестве будет курс лекций вне Берлина, на котором, пока мы при Докторе, нам быть — обязательно.

Сейчас до ноября нам, так сказать, отпуск; а есть периоды, когда надо неподалеку от Докто<ра> быть. Оттого-то надо заранее с Тобою списаться.

Милая моя, целую крепко. Ася благодарит Тебя за письмо и скоро напишет. Через три дня мы уезжаем отсюда; адрес наш будет пока: Deutschland. Stuttgart. Postlagernd. Нам уж там за городом приискана комната, около леса, на горе и рядом с Frau Pulmann, той дамы, которая нас зовет и которая так много нам помогает разбираться во многом и сложном¹. Из Штуттгарта тотчас же напишу. Остаюсь глубоко любящий и всегда Тебя помнящий Боря. Тетю Катю с Асей целуем мы.

[Датируется по содержанию. Написано красными чернилами.]

- 1 Белый подружился с Польман-Мой (J. Polman-Mooij; Белый пишет и Поольман-Мой) в Мюнхене в июле 1912 г.: «В начале уже июля были в Мюнхене; Эллису, переехавшему под Мюнхен вместе с семейством фрау Поольман-Мой, написали письмо мы; фрау Мой, урожденная голландка, спиритка, потом — астролог, наконец, теософка, одна из талантливейших штейнеристок, дружила с неукротимейшим Эллисом» («Из воспоминаний. У Штейнера». С. 113—114).

А. БЕЛЫЙ — М. К. МОРОЗОВОЙ

< 18/31 октября 1912 г. Штутгарт. >

Глубоколюбимая и дорогая Маргарита Кирилловна,

огромное спасибо; только что деньги получил, но получил их в Штутгарте, ибо прождав деньги в Фицнау 6 дней и не получив (надо же было для занятий ехать в Штутгарт), я ждал, чтобы мне деньги переслали в Штутгарт. Теперь получил.

Мы в Штутгарте¹, потому что здесь одна из ближайших учениц Доктора, которая с нами работает. Кроме того 25 ноября (н.ст.) Доктор читает маленький курс в Мюнхене, который мы и хотим выслушать; а Штутгарт в расстоянии 3 часов езды от Мюнхена; из Берлина же ехать было бы нам невозможно.

В Мюнхене же, встретившись с Доктором, мы сдадим ему отчет. (Доктор задает нам вроде уроков, которые мы и сдаем после 1—2 месяцев).

После Мюнхена только едем уже за Доктором в Берлин.

Еще раз огромное спасибо.

Простите, что пишу так кратко. Мы с Асей совершенно измучены. Спешу закончить роман; работаем Доктору и работаем с ученицей Доктора². С утра до ночи без передышки работаем, а тут еще многомечные затяжные неприятности с Москвой.

7 месяцев из меня Э. К. Метнер выматывает душу отвратительными и несправедливыми придирками, не давая покою в тот период времени, когда, ей Богу, хочется мира и тишины: если бы они в Москве понимали, что они делают со мной, они спорили бы со стыда.

И вот мы измучились вконец.

Скверно измучили только москвичи: а от работы только хорошая усталость, но усталость страшная.

До 24-го мы в Штуттгарте, т.е. до 11-го ноября русского стиля. Наш адрес или: Deutschland. Stuttgart. Degerloch. Werastrasse. № 45. Bei Schrenk или Stuttgart. Poste restante. С 25-го до 29-го наш адрес: München. Poste restante (т.е. от 12 ноября до 16 ноября).

Дорогая Маргарита Кирилловна, напишите две строки, как Вы, как «Путь», как москвичи.

Остаюсь глубоко любящий Вас и преданный

Борис Бугаев.

Ася шлет привет и уважение.

P.S. Извиняюсь за подчерк: подчерк от усталости.

[Почт. штемпеля: Degerloch. 31 Okt<ober> 1912./Москва. 21.10.12 и 22.10.12.]

- 1 Белый отправил открытку А. Д. Бугаевой из Штутгарта 16/29 октября 1912 г. Он жил в Дегерлохе, загородной станции под Штутгартом, до 24-го ноября.
- 2 «Ноябрь. Дегерлох (около Штутгарта). Перерабатываю «Петербург» (написанное) в окончательн <ую> редакцию. Ряд ответственных бесед с Эллисом и Поольман-Мой; те же напряженнейшие медитации; читаю курс Штейнера «Апокалипсис» [«Die Apokalypse des Johannes», 1908]. И перечитываю Владимира Сольвьева» (РД).

А. БЕЛЫЙ — А.Д.БУГАЕВОЙ

< 20 октября/2 ноября 1912 г. Дегерлох. >

Милая мамочка,

отчего от Тебя давно нет письма?

Мы уже с неделю, как <в> Штутгарте. Собственно мы не в Штутгарте, а в окрестностях, на вилле; недалеко от нас большой, большой сосновый лес. В двух шагах другая вилла, где живет Эллис со своими друзьями, голландцами Mer и Mme Pulmann.

День у нас расположен так: встаем, работаем; после гуляем; потом опять до вечера занимаемся. В 8 1/2 часов идем к Эллису; там беседуем, занимаемся; много говорим о Балканской войне, вспоминаем Россию. В 12 часов идем домой.

Так, монотонно, идет день за днем.

Адрес наш: Deutschland. Stuttgart. Degerloch. Werastrasse. № 45. Bei Herr Schrenk. Herrn Boris Bugaieff.

Милая мама, пиши же нам о себе, о Москве: где бываешь, кого видишь. От Тебя последнее письмо получили уже более 3-х недель тому назад в Vitznau.

Мы здесь еще недели 2 1/2—3. Потом едем в Мюнхен на свидание с Доктором, который в Мюнхене прочтет небольшой курс; пробудем в Мюнхене дней 5 и затем в Берлин; по дороге мы осмотрим Нюренберг и Дрезден... Нюренберг — это немецкий Брюгге; Дрезден — столица Саксонии и замечательн художественной галереей.

Потом уже мы водворяемся в Берлин; в Берлин, как в город, не хочется: все Берлин ругают. Но удобство там жить, это, конечно, Доктор.

Милая мама, пиши же. С нетерпением жду от Тебя письма: здорова ли? Остаюсь искренне любящий и преданный неизменно

Боря.

P.S. Ася Тебя целует. Тетю Катю целуем. Оканчиваю письмо, потому что идем гулять.

[Почт. штемпеля: Degerloch. 2 November 12./Москва. 23.10.12 и 24.10.12.]

А.БЕЛЫЙ—А.Д.БУГАЕВОЙ

<11/24 ноября 1912 г. Дегерлох. >

Degerloch. 12 года. 24 ноября (н.ст.)

Дорогая, милая мамочка,

очень давно Тебе не писал, не потому что не помнил, а потому что весь месяц в Штутгарте мы были заняты 1) делами с «Мусагетом» (ведь я из-за границы пишу у нас в журнале), 2) переработкой заново романа, 3) медитациями, данными Доктором, 4) работой Доктору, что особенно трудно (приходится писать по-немецки), 5) каждый вечер мы чем-нибудь занимались у Frau Polmann.

День проходил так: утром мы с Асей работали (с 12 до 6, 7 вечера); (и Ася пишет доклад Доктору); в 7 часов шли обедать; в 8 1/2 шли к Frau Polmann. И сидели там до 12. Потом спать.

Так регулярно каждый день. Жили мы не в Штутгарте, а за городом, в Degerloch, выдающемся на горе над всем Штутгартм. В двух шагах от нас был дивный сосновый лес.

Вообще с середины сентября до сих пор жили мы в большом уединении и сосредоточенности; и теперь уже как-то невольно одичали.

Не будь Доктора, прожили бы здесь и еще.

Пишу «жили», ибо завтра утром уезжаем в Мюнхен (завтра вечером публичная лекция Доктора). В Мюнхене пробудем дней 6, 5 (там 4 лекции)¹ и — в Берлин; в Мюнхене, вероятно, будем иметь аудиенцию у Доктора². Каждое свидание с Доктором своего рода экзамен: так и живешь — от экзамена к экзамену; в промежутке — лекции, медитации, работа и подготовка отчета к следующему свиданию.

Мне эта жизнь напоминает студенческие годы, потому что мы с Асей при Докторе напоминаем студентов при профессоре.

Сегодня мы одни, тишина, недалеко лес: завтра — знакомые, теософы, лекция и — толчея.

Хочется страшно видеть Доктора, но не хочется из уединения в толпу.

Почти наверное из Мюнхена едем в Берлин, впрочем сперва спросим у Доктора: где велит быть. Иным Берлин он не советует.

Если едем в Берлин, то остановимся на день в Нюрнберге (город, как Брюгге) и день в Дрездене, чтобы осмотреть знаменитую галерею...

Милая, милая, как я хотел бы Тебя видеть: ужасно жаль, что не будешь в Берлине, ужасно жаль. Пиши о себе подробно: все, касающееся Тебя, нам близко и дорого. Где бываешь, кого видишь, как в Москве с войной: чего доброго, может вспыхнуть всеобщая европейская война. За вещи — спасибо. О всех адресах тотчас же черкну.

Остаюсь нежно любящий Тебя и всегда помнящий

Твой Боря.

Ася целует Тебя. Тетю Катю целуем и приветствуем.

[Почт. штемпеля: Москва. 15.XI.1912 и 15.11.12.]

[Написано красными чернилами.]

- 1 Штейнер читал лекции в Мюнхене от 25 до 28 ноября (н.ст.). 25 и 27 он читал на тему «Die übersinnlichen Welten und das Wesen der Menschenseele», а 26 и 28 на тему «Okkulte Untersuchungen über das Leben zwischen Tod und neuer Geburt».
- 2 «6-ое свидание. 29 ноября [1912 г.] Передали Доктору наши тетради и получили по новой медитации. Мюнхен» («Свидания с Доктором»). На следующий день Белый переехал в Берлин (через Нюрнберг, где провел несколько дней).

А. БЕЛЫЙ — М. К. МОРОЗОВОЙ

< 20 ноября/3 декабря 1912 г. Берлин. >

Berlin. 3 декабря (нов. ст.) 12 г.

Дорогая и глубоколюбимая Маргарита Кирилловна!

Позвольте Вас глубоко поблагодарить за деньги, Вами присланные. Очень, очень благодарю: спасибо.

Несколько дней не уведомлял Вас, потому что получил деньги в Штутгарт в день укладки (а почта была так далека от нас). А четыре дня в Мюнхене были сплошным метаньем: разговоры с русскими, лекции, подготовка к свиданию с Доктором, наконец свидание это.

Передали Доктору наши доклады; мы с Асей пишем ему вроде интимных Vortrag'ов* о ходе нашей работы — с невероятной трудностью: приходится ведь писать по-немецки, а при нашем знании языка — грамматика и синтаксис хромают.

Перед нами стоял вопрос: съехать ли в Берлин или опять скрыться в наше убежище, под Штутгарт (берлинская атмосфера ужасна, а Доктор, кажется, на Рождестве читает в Штутгарте курс: для работы же ему нужно уединение); но Доктор прямо сказал, что нам лучше быть в Берлине.

Вот мы и приехали.

Дома, гудки автомобилей, дождь, неуютница; и вдобавок формальные затруднения, как жить: мы ведь с Асей не венчаны, а немецкое фарисейство, превратив Германию в сплошной кабак и кафе-кабаре, остается неумолимым для таких, как мы, не венчанных.

Пока живем на «ура»: авось кривая вывезет.

Вообще Германия «брр»... Чем больше живу здесь, тем более удивляюсь грубости и тупости немцев, сперва мало бросающейся в глаза под лоском «цивилизации».

Если бы, вообще, не Доктор, ни за что в Германии бы не жили: лучше Бельгия, Швейцария, Италия, лучше даже Франция. Германия — в прошлом: теперь от нее ничего не осталось; воздух напоит пивом, скабрезностями и коммерческими интересами: больше нет ничего!.. Никого!..

Доктор: разве он немец?

Сейчас его миссия работать для Германии, в Германии: к Германии он приспособляет темп своих лекций, бесед и т.д.; Германию сейчас надо спасать.

Только здесь я понял, как жив, реален, зловещ теоретически изжитый наивный материализм.

Германия. — самая материалистическая страна современности. И потому-то, в самой материалистической стране работает Доктор.

*Vortrag — доклад, лекция (нем.).

И опять-таки: до чего Доктор не немец. И как он искрист, жив, безумен, попросту весел: весь какой-то огневой. В нем, конечно, есть славянская кровь. Ведь родина его — славянская провинция Австрии (его отец — простой железнодорожный рабочий)¹. До чего он в беседах интимных не носорог, а наоборот: ребенок, мудрец, святой и... маленькая «обезьянка». Мне, старому декаденту, которого декадентскими парадоксами никто не удивит, иногда он скажет нечто такое в декадентском темпе, от чего, уверяю Вас, бык свалится с ног.

И какое же недоразумение, что русские, не знающие его интимным, говорят, будто он — схематичен: это он-то парадоксалист, декадент, буян, святой, безумец, ребенок!!!

Все же прочее вокруг Доктора, экзотерическое — та же Германия: говорят о Христовом импульсе, а в душе ни иоты подлинной религиозности.

В Мюнхене (теперь) Доктор по адресу «имеющих уши» из своей паствы говорил вещи, от которых непоздоровится немецким теософам.

Сейчас, слава Богу, около Доктора начинают группироваться и русские (надо же понять, что жизненно не то, что вопит о глубинах, а то, что под схемой и видимой чопорностью пульсирует здоровою жизнью). Но к русским отношение двойственное. В общем русских немцы терпеть не могут; и ревнуют к Доктору; и не могут слышать, что слаянство есть будущее.

Недавно одна дама, голландка, наш друг с Асей, передала нам следующий характерный диалог в антракте на лекции Доктора: к ней подходит одна немка теософка и говорит с недовольством: «Здесь очень много русских...» — «Да!» — «Знаете, с русскими надо быть осторожно: не надо им говорить, что они — будущая раса...» — «Почему же?» — «Они становятся с нами высокомерными...» — «Да, но ведь по учению Доктора будущее все-таки с ними...» — «Но не с этими: у теперешних русских нет никакого «Я»; они ведь на низшей ступени сознательности, а у немцев развита *Verständnisseele** (термин Доктора)...» — «Да: настолько развита, что высушено все религиозное, так что немцы с *Verständnisseele* настолько дозволюционировались до сознательности, что не нашли ничего лучшего, как поддерживать полумесяц против Креста...» (В это время мимо проходим мы с Асей) — «Вот, смотрите: опять эти русские...» — «Да, мои друзья...»

Тут дама поджала губы.

Не правда ли типично: этот разговор — лейтмотив отношения к нам: от теософов нам приходится туго. Теософы-немцы под всеми предложениями стараются оттеснить Доктора от русских, чуя отсюда, со стороны России, соперника и врага (Доктор ведь не немец, он — мировой: столь же италианец, сколь и испанец); и доктор, кажется: не слишком-то очарован своими учениками-немцами. Между тем немцы его считают своим (*unser Doktor*). Отсюда замаскированная национальная борьба за Доктора в безнациональном Теосо<фическом> Об<ще>стве.

Между прочим: борьба с Адиаром (штабом теосо<фического> Об<ще>ства) настолько обострилась (из-за самодурства Безант и лжехриста Альбионы)², что в Мюнхене Доктор прямо заявил: «Пусть лже-теософы выходят из Об<ще>ства, зачем нам выходить» (лже-теософами он назвал вообще теософов). Вопрос об уходе из Об<ще>ства дебатировался несколько месяцев; теософия (в том смысле как говорят

**Verständnisseele* — понимание души (нем.).

в России) и Доктор — непримиримы, ибо тут борьба: борьба за Христа против 1) Будды, 2) против духа антихриста.

Позиция Доктора правильна: он говорит: «Теософия есть синтез религий не теоретический, а действенный: этот синтез произошел на Голгофе; после Голгофы теософ-буддист не может не подать руки теософу-христианину, ибо он не может не понимать мирового, космического события Голгофы; если он этого не понимает, то он и не теософ. Вот в чем теософия: теософию я понимаю, как действенное приятие смысла Христова События, как события, вознесенного над всеми расовыми религиями (между прочим и буддизмом); теософия — хорошее слово, и мне нечего отступать от него: да, я теософ... И не моя вина, если большинство теософов (восточных) проводит буддизм или Восток под флагом теософии. Положение таково: надо, оставаясь в Теософии, очистить авгиевы конюшни теософического о<бще>ства; и уже только исчерпав все средства борьбы за христианство отряхнуть прах с порога Теософического Общества, ибо опять-таки: что можно возразить против прямого смысла слова Теософия, что есть: Божественная Мудрость... В звуке teos (ἑὸς) нет ничего позорного; в звуке София — нет ничего позорного тоже».

Вот точный смысл политики Доктора в Теос<офическом> О<бще>стве.

Заметьте: он лишь генерал-секретарь германской секции Общества (каждая страна имеет своего генерал-секретаря); и борьба его с обществом благодаря влиянию его в Германии превратилась в борьбу немецкой теософии с Теософическим Обществом. В этой борьбе пока опирается он на немцев (unser Doktor и т.д.), как на членов теос<офического> общества (меньшинства) поднявших знамя христианской теософии (т.е. теософии собственно) против восточной теософии (большинства) — так сказать теософии...

Отсюда естественная тональность германизма в изложении, в периферии учения Доктора (он говорит), приспособляясь к пониманию немцев XX столетия, нужных ему для начала приготовления Крестового похода против современной культуры; и немцы ему дают первичную, реальную поддержку: будущее же движения — раскрытие, осознание, реализация всего того, что бьется в Докторе, может встретить реальный отклик в славянстве, только в славянстве. И Доктор знает это: оттого у него особая нота к славянам. Когда ему говорят об ограниченности немцев, и о том, почему он действует не в России, он неизменно отвечает в таком смысле, что дело его в будущем продолжится в славянстве, но там оно примет иные, новые формы, что сейчас еще не время думать о колоннах и фронтоне здания, когда надо тесать громадские, неуклюжие массивы фундамента.

Неуклюжесть этих массивов, над которыми, скрепя сердце, работает Доктор, импрессионистически и совершенно неверно воспринимается русскими, как схематизм, когда живой смысл схемы, благодаря просто незнанию подробностей Доктрины (как-никак XXV томов), кажется сухим смыслом. Но это до некоторой степени и понятно, и простиительно (детям интереснее хрестоматия из евангельских событий: подлинник Апокалипсиса им бы показался тоже ведь схематизмом).

Непонятно следующее: когда на основании видимой схематичности розенкрейцеровской доктрины соболезнующе восклицают: «Что вам-то, с вашим символизмом, делать у сухого и педантичного немецкого Доктора».

Восклицания эти в замаскированном виде мне пришлось получать; восклицания эти — схематичны до крайности. На основании видимо схематических двух-трех напечатанных книжек да двух-трех обрывочков, выхваченных из интимных курсов (этих курсов XXV, и надо

сказать, что для всякого ученика Доктора и эти курсы лишь внешнее введение к интимному обучению) — на основании отрывков из Доктрины делается заключение о личности Доктора: «Вам-де, с Вашей жизненностью, не ко двору немецкие схемы»... Да ведь неужели я приехал в Германию, чтобы только слушать Vortrag'i? Хорошее же представление имеют люди о мистике, если думают, что она изложима на бумаге и что мистик есть тот человек, кто прочел с сочувствием изложенное на бумаге.

Можно, конечно, даже услышать лично Доктора и сказать: это не для меня. Но если бы кто хоть 2 месяца реально ему поработал, реально у него поучился, и сказал бы: «Доктор — схематичен», тот, верьте мне, был бы совершеннейшим дураком. Но такого случая не было: у Доктора учатся и дураки. Но даже дураки этого не говорят.

А умнейшие люди, реально не прикасавшиеся к Доктору, все согласны: «Книги Доктора схематичны; следовательно: схематичен Доктор; следовательно: у Доктора нечего делать... и т.д.».

Тут что-то не так...

До меня дошли слухи, что Григорий Алексеевич Рачинский что-то такое читал о Люцифере и Аримане против Доктора. Должен сказать: вероятно все это должно было быть в высокой степени удивительно. О Люцифере и Аримане Григорий Алексеевич знать точно учение Доктора не мог.

И далее: говорить о Люцифере и Аримане вообще — праздная вещь, как и вообще праздно говорить о том, чего реальное раскрытие путем медитации, концентрации воли и строгого оккультного режима отсутствует. О таких вещах более шепчутся, чем говорят.

Сказать что-либо реальное о небесных иерархиях можно вообще после нескольких лет строжайшего воздержания от вина (не между «водкой и селедкой»), упорного многомесячного развития в себе силы очищения; далее: после работы над развитием имажинации; далее: сознания тщетности имажинации (развитая имажинация должна быть разбита); далее: после новой работы развития инспирации (и во все это время — ни капельки вина и т.д.). Тогда только кое-что узнаешь из того, что даст возможность краешком души подойти реально к принятию или отвержению схемы Доктора о том или ином символе оккультного развития души, каковыми являются символические встречи с Люцифером и Ариманом (реальное, а не символическое знание дается в редких случаях творчески одаренным и морально очищенным натурам еще на более высоких ступенях, к которым иные и не поднимаются вовсе, но к которым, все-таки, если и поднимаются, то реально, а не словесно).

Читать же лекцию о Люцифере и Аримане есть — откровенная схоластика, подогретая расходившимися парами чувств.

И вот тут хочется сказать: Доктора обвиняют в нежизненности, требуют от него образности, оргазма и т.д. Но ему противопоставляется не жизнь, не символ даже (ибо символ реален), а схема, облитая паром чувств.

И в русском протесте против Доктора вижу я слишком часто: пар-пар-пар.

Пар требует, чтобы учение Доктора предстало не в схеме, а в паре же: пар неподготовленности, пар словесного знания словесных сочетаний той или иной формулы оккультизма, не подозревающий, что словесная формула эта есть формула пути, реального, не словесного, пронизывающего привычки, чувства, обычаи даже.

У нас же господствует метод паробразного расширения словесных значений; едва услышим: Люцифер, Ариман, как уже в словах ширим и ширим значение реального нечто, думая, что постигли.

Как хорошо, что интимные Vortrag'и Доктор запрещает распространять: будь они доступны русским, правда, мы в России не приписывали бы Доктору небылиц; но блюдо из XXV доступных курсов оказалось бы столь сладким (не русской душе) русской болезни (паробразному расширению слова), что реальный путь, по которому ведет Доктор, превратился бы мигом в столб переливающихся на солнце радужных слов. Через миг лопнули бы слова: ничего не осталось бы, кроме русской неврастении и нежелания слова опустить в плоть жизни.

Так что даже есть выгода в том, что Доктор отталкивает схемами: метод сухости лучше метода паробразования; это-то Доктор знает.

Ну вот я подошел к главному: схематизм, сухость есть правильная, жизненная педагогика Доктора. Кто вопреки этой личины все же сумеет расслышать симфонию и здесь, для того Доктор повертывается подлинно-жизненным ликом, тот и сам понимает, что пресловутая сухость есть спасительный компас в плавании по опасным морям ... пути. Ведь в морях этих, как в камере-обскуре отражается прошлое, настоящее и будущее человеческих судеб, всемирной истории.

Вот, милая Маргарита Кирилловна, длинное Вам письмо: и опять полемическое. За полемику не ругайте. А Григория Алексеевича Рачинского глубоко, нежно, сердечно люблю. Оттого-то и бранюсь. Бранюсь добродушно.

Милая, Вам я пишу большое письмо: а от Вас ни звука — вот 3 месяца уж.

Что мне делать? Или Вы сердитесь на меня? Или «московское общественное мнение» меня бранит, а Вы — дама с султаном, его выражаете?

Нет, не верю; милая, милая, глубоколюбимая Маргарита Кирилловна: если бы это было так, то по воле судеб я не писал бы Вам на рваных листках таких длинных писем¹, а писал бы на изящной бумаге безукоризненным подчерком глубоко-корректные вещи.

А вот хочется писать Вам обрывочно: не писать, а вываливать мысль. Это оттого, что хочется с Вами поделиться душой, в сериоз, взаправду.

Оттого-то я и жду от Вас писем. Адрес до 15 декабря следующий: Berlin. Postlagernd. Не даю адреса, потому что еще нас может быть погонит полиция, а в таких случаях poste restante предоставляет все виды удобства. Если выяснится, что можно нам жить, адрес сообщу. А пока Postlagernd.

Остаюсь глубоко любящий и преданный

Борис Бугаев.

Ася приветствует Вас.

[Заказное письмо: Berlin. 4.12.1912. Почт. штемпеля: Москва. 23.11.12. и 24.11.12. Адрес на конверте: Absender Boris Bugaieff. Charlottenburg. Luther Strasse 27. Pension Wegner. Berlin. Deutschland.]

- 1 Штейнер родился не в Германии, а в городе Кральевице, в то время на территории Австро-Венгерской империи (теперь в Хорватии). Семья происходит из лесного края Нижней Австрии и прежде принадлежала к крестьянскому сословию.
- 2 «Генштаб» Теософического Общества находился в городе Адуар (Индия, Мадрас). «Альциона» (Alcion) — Кришнамурти.
- 3 В антропософской доктрине, развитой Штейнером, «Люцифер» и «Ариман» являются метафорами темных сил, действующих в мире. (В антропо-

софии, так же, как в теософии, абсолютного зла не существует.) «Ариман» является «Духом Лжи» и Материализмом, в котором Штейнер видел основную движущую силу современности. «Люцифер», мировая Воля и Искуситель, противостоит этой силе. Целью человеческой жизни должно быть отыскание равновесия между этими двумя импульсами. Если же один из двух импульсов доминирует, он становится демоническим и воспринимается собственно как Дьявол.

- 4 В своих воспоминаниях о Белом Морозова пишет: «Из всех приведенных мной выдержек из писем Б. Н. совершенно ясно, насколько глубоко и без оглядки он отдался своему Ученичеству. Он получал очень много писем из Москвы, от друзей, выражавших ему свои сомнения в правильности избранного им пути, но ничто не могло поколебать его. Все друзья и почитатели таланта Б. боялись, что он, отдавшись Штейнеру, потеряет свою самобытность как художник, что пропадет своеобразность его красок и яркость его языка, что приемы работы над собой Штейнера как бы сотрут это. К сожалению, он слишком прислушивался к доходившим до него слухам порицания его, а также не мог равнодушно прочитывать всех писем, в которых выражались малейшие сомнения в избранном им пути. Все это причиняло ему только лишние страдания и заставляло его тратить силы, чтобы доказывать, что ничего не изменилось в нем, что он остается верен себе. Я ужасно сожалею, что я, хотя очень скромно и осторожно, но также выражала свои сомнения. Б. Н. в ответ на мои сомнения писал мне бесконечные письма, например, из Берлина, в 28 страничек об оккультизме, из Швейцарии — в 18 страниц, из Базеля — в 26 страниц. Я теперь перечитывала эти письма с глубокой грустью о том, что он не жалел своих нервных сил на эти письма, притом, что ему было так много работы, будучи у Штейнера. И еще я особенно сильно сожалею о том, что все любившие Б. Н. друзья, к которым я и себя причисляю, зная его чуткую, нежную, ищущую Света душу, не откликнулись на его порыв по отношению к Штейнеру, как на порыв найти, наконец, прием работы над собой, умение подчинить свое внешнее существо своему внутреннему смыслу, найти гармонию и равновесие. В этом смысле нужно было с большей любовью отнестись к его решению стать учеником Штейнера». Это и есть то письмо в «28 страничек», о котором писала Морозова.

А. БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

< 26 декабря 1912 г./8 января 1913 г. Берлин. >

Милая, родная, глубоко любимая мамочка!

С Новым Годом! Желаю Тебе тишины, здоровья и счастья: и еще желаю Тебе хоть раз в жизни встретиться с Доктором. Мама: если бы не близкие, не Ты, мы были бы вполне счастливы в Берлине. Одно нас жжет просто, на одно досадует: за что мы такие счастливы, что слышим вещи, еще никогда не разглашавшиеся миру, узнаем тайны, никем никогда не сказанные. За что нам такое счастье, что с нами Доктор. Единственное, что испытываешь на лекциях: почему рядом нет близких. Я не знаю, кто такое Доктор: я только знаю: во всей истории мистики, у замечательнейших мистиков истории, проповедников, мудрецов не услышишь и десятой доли того, что льется на нас, как из рога изобилия от лекций Доктора. Потрясены, оглушены, изумлены, часами мы после лекций сидим с Асей и улыбаемся и забываем где мы: Германия, Европа. Мир весь улетает куда-то: остается сплошное какое-то мировое пространство; и в нем сияющий образ Доктора. И тут особенно чувствуешь отсутствие Тебя: вот кого Тебе надо увидеть.

Оттого-то не писали Тебе давно: ведь мы только что вернулись из Кёльна, где прослушали курс «Багават-Гита и послания апостола Павла»¹. Курс был столь огромен по содержанию, столь потрясающ по открывающим горизонтам, что кёльнская неделя пролетела сплошным оцепенением. Милая: а по приезде из Кёльна на столе оказалась груда писем, на которые тотчас же пришлось отвечать, ибо дело шло об одном деле: о продаже собрания моих сочинений одному издательству². Если дело состоится, мы надолго еще обеспечены, что даст нам возможность спокойно и без житейских тревог учиться у Доктора. Итак надо было хлопотать об этом деле. И из-за суеты переписки не хотелось Тебе наскоро писать.

Дело о продаже моих сочинений очень нам в руку, ибо мы как раз в той полосе, когда мы еще много месяцев буквально должны покорно учиться: мы за эти 8 месяцев многое, многое узнали, чего и не снится мудрецам, во многом изменились, постарели; и нам кажется, что целая бездна отделяет нас от нас самих; а прошло всего 8 месяцев. Ты даже не можешь себе вообразить, до чего реально изменяется человек, когда он находится под руководством Доктора: как повязка за повязкой спадает с глаз, начинаешь видеть и понимать такие вещи, которые даже не снились; открывается новое зрение, изменяется сон, изменяются самые привычки; многое новое прорезывается в душе совершенно так же, как у детей прорезываются зубы; и как дети, у которых прорезываются зубы, болеют, так и мы подчас болеем особыми, так сказать, детскими болезнями оккультизма; но болезни эти нормальны: без них многое осталось бы в тумане.

Вот в таком положении и мы: живем с режимом, уединенно, видим людей лишь на лекции, работаем Доктору; и еще ряд месяцев мы должны быть неподалеку от него, ибо мы переживаем переходное состояние: от прежнего к новому: многое новое нам открылось: сумеречно, неясно мы уже начинаем видеть некоторые вещи, лежащие не на физическом плане, а на эфирном; Доктор внимательно следит: за нашей работой, за мыслями, за всей жизнью; свидания он нам дает редко; на свиданиях мы ему даем отчет об увиденном, понятом, пережитом; но дело не в частых свиданиях. Доктор (это между нами) с иных планов всегда следит за учениками и работает над ростом и развитием их эфирных и астральных тел. Нам не прежде можно будет уехать от Доктора, чем мы окрепнем в ином плане³. А когда мы оккультно оперимся, первой нашей задачей будет вернуться в Россию, чтобы нести учение Доктора русским. Россия так страдает, а Доктор такой единственный, невыразимый свет, что обязанность русского ученика Доктора нести Доктора страдающим душам. Если мы сумеем стать хоть немного на ноги, мы должны говорить о том свете, который вспыхивает в душе на этом пути.

Пока же мы ничего не можем, ничего не смеем; наше дело — сидеть у ног учителя. Милая, так хочу, чтобы и Ты увидела Доктора. Теперь уже его мало будет в Берлине; большую часть времени он будет разъезжать⁴. С новым же годом родная, хорошая, близкая.

Христос с Тобою. Тетю Катю целую, благодарю за открытку и поздравляю.

[Приписка Аси Тургеневой]

Милая, милая Александра Дмитриевна, с Новым Годом! Верю и надеюсь, что для всех нас он будет хорошим. Как мне стыдно — я написала вам длинное письмо и потеряла. А второго все не могла собраться написать, так доктор заваливает нас потоком все новых мыслей и переживаний. Может быть, вы все же на месяц приедете к нам? Я рассчитала, что приехать, прожить месяц и уехать стоит меньше 300 рублей.

Так было бы хорошо. Целую вас очень. Мой привет и поздравление Екатерине Дмитриевне.

[Заказное письмо. Почт. штемпеля: Berlin. 8.1.13./Москва. 28.12.12 и 29.12.12. Письмо написано красными чернилами.]

- 1 27 декабря (н.ст.) 1912 г. Белый уехал в Кёльн на курс из пяти лекций Штейнера «Die Bhagavad Gita und die Paulusbriefe» (лекции были прочитаны 28—31 декабря 1912 г. и 1 января 1913 г.). Около 5 января он вернулся в Берлин. «<Декабрь. Берлин.> Спешно едем в Кёльн. ... <Январь. Кёльн.> Записались в Кёльне в А. О. Ряд крупных разговоров с Эллисом и Поольман; меня интересует проблема Храма и легенда Грааля (Де Троя, Вольфрам фон Эшенбах); эта тема в связи с узнаванием опытным: наше тело — храм; прощание с Эллисом трогательное, но горькое (уже ясен отход наш друг от друга). В первых числах января — возвращение в Берлин» (РД).
- 2 Благодаря хлопотам А. А. Блока Белый вступил в переговоры с руководителем издательства «Сирин» М. И. Терещенко относительно передачи рукописи «Петербурга» для опубликования и продажи собрания сочинений. (См. письмо Белого к Блоку от 28 декабря 1912 г./10 января 1913 г.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 308—309.) В январе Белый лично встречался с Терещенко в Берлине.
- 3 «<Январь. Берлин.> Свидание с доктором Штейнером в Берлине; получение от него новых медитаций; сдаю отчет о работе ему. Весь месяц усиленные медитации; читаю курс доктора Штейнера: «Евангелие от Луки», читаю курс Штейнера: «Welt, Erde und Mensch»; веду дневники и отчеты. Случаи выхождения из себя, объясняемые мне докт. Штейнером; читаю «Добротолубие»; читаю «Историю монашеских орденов»; увлекаюсь Бахом» (РД).
- 4 В январе 1913 г. Белый слушал лекции Штейнера из курса «Das Leben zwischen dem Tode und der neuen Geburt im Verhältnis zu den Kosmischen Tatsachen» в берлинской ложе и две публичные лекции на тему «Naturwissenschaft und Geistesforschung» в Architektenhaus'e.

А.БЕЛЫЙ—М.К.МОРОЗОВОЙ

<Январь 1913 г. Берлин. >

(См. «Минувшее», 1988. № 6. С. 417—440).

А.БЕЛЫЙ—А.Д.БУГАЕВОЙ

<Первая декада февраля (н.ст.) 1913 г. Берлин. >

Дорогая, милая мамочка!

Мы здоровы. Скоро пишу Тебе большое письмо. Пока же посылаю эту открытку. Вот знаменитая Motzstrasse, на углу которой мы живем и на которой живет Доктор. Крестиком я обозначил угол нашего дома, выходящего на Motzstrasse (он на углу Motzstrasse и Lutherstrasse). А буквой а я обозначил дом, куда ходим каждую неделю в заседание Теософического Общества. Здесь слушаем Доктора. Ася послала Тебе письмо. Получила ли? Христос с Тобой. Нежно любящий

Тебя Боря.

[Открытка (Motzstrasse. Ecke Geisbergstrasse. Berlin W. Штемпель: Москва. 8.2.13. Berlin W. — дату не разобрать. Над одним домом на картинке стоит буква а, над другим +.]

А.БЕЛЫЙ—А.Д.БУГАЕВОЙ

< 28 января/10 февраля 1913 г. Берлин. >

Дорогая, милая мамочка,

Не сердись на меня за долгое молчание. Молчание это от многих причин: 1) от усталости после генерального собрания¹, 2) от того, что страшно много времени пришлось утомляться деловой перепискою с Москвой и Петербургом по поводу продажи собрания сочинений (а дело это еще не кончено); кроме того: какая-то вдруг на нас с Асей напа-
ла апатия.

Милая, родная: здорова ли Ты? Пиши; не получая от Тебя вот уже около 2 недель писем, я начал беспокоиться; Ты писала, что у Тебя грипп; грипп — пустяки, но его можно застудить; береги Твое здо-
ровье, дорогая, милая мамочка.

Милая, а мы все еще в неизвестности, когда мы вернемся на лето и вернемся ли в Боголюбы; когда мы спросили Доктора, можем ли мы ехать после курса в Гааге, то Доктор сказал: «Недели через три я ска-
жу». Дело в том, что иногда, работая над задачей, данной Доктором, не безопасно уехать и жить вдали от него; мы же сейчас в такой стадии работы, когда контроль Доктора нужен. Так что и не знаем, пустит ли нас Доктор в Россию; т.е. пустить-то пустит, но... отпуская от себя, он дает совсем другие, легкие упражнения, а так не хочется переходить от более сложного на пустяки. Вот и не знаем, поедим ли. Знаем только, что марта 4 старого (нашего) стиля мы едем в Голландию, в Гаагу, на 10—12 дней слушать курс «Влияние оккультной работы на астраль-
ное, эфирное и физическое тело»². Этот курс нам особенно важен. В Голландии пробудем до 15 чисел русского марта, а там, далее, или вер-
немся в Берлин, или же в Боголюбы — до июля; в июле — опять в Мюнхен, к мистериям и августовскому курсу³. Если будет много денег и если будет охота и свободное время, может быть поедим в июне в Христианию (тоже на курс Доктора)⁴.

Видимся здесь часто из русских с Кл<еопатрой> Петровной и Мше Бергенгрюн (урожденной Андреевой: она Тебя знает)⁵. Недавно, на обще-
е собрание, приезжали в Берлин наши русские мюнхенцы: М. В. Во-
лошина, Трапезников с женой⁶, Ольга Павловна (жена Миши Сизова),
Киселевы. Генеральное собрание тянулось неделю, непрерывно — с 10
утра до 10 вечера (ряд докладов).

Доктор прочел нам целый курс. Ты знаешь, что мы все (вся немец-
кая секция Теософического Общества, Швейцария, Австрия, Дания,
Голландия, Норвегия) вместе с Доктором ушли из Общества; уходят и
многие англичане, бельгийцы, итальянцы, французы. Наше Общество
называется «Антропософическое Общество». Конечно, все осталось
тем же: просто формально мы перестали числиться (дело не в этом, а в
Докторе). Милая, пиши же; целую Тебя много раз.

Остаюсь нежно любящий Тебя

Боря.

Тетю Катю целую. Марье Алек. привет и уважение. Ася целует Те-
бя и приветствует тетю Катю.

Кроме докладов Доктора слушали еще следующие доклады: 1) Юлэ (швейцарец)⁷: «О стихиях в природе», 2) Юлэ: «О стихиях в природе в связи с культурой», 3) Штинде (ученица Доктора)⁸: «Об эпохах истории», 4) Унгер (ученик доктора)⁹: «О мистерии «У врат посвящения», 5) Унгер: «О мистерии «Очищение», 6) Унгер: «Антропософическое Общество. 7) Шолль (женщина-математик, ученица Доктора)¹⁰: «О мистериях доктора Штейнера», 7) Шолль: «Христов импульс», 8) Бауер (ученик Доктора)¹¹: «О Гегеле», 9) Ленхарт¹²: «О Гельдерлине», 10) Вальтер (ученик Доктора)¹³: «Евангелие от Марка», 11) Вальтер: «О назначении мышления», 12) Вальтер: «О "Я"», 13) Зелигер¹⁴: «О книге блесков», 14) Пайперс (ученик Доктора)¹⁵: «Парсифаль в свете естествознания», 15) Аренсон¹⁶: «Творчество и усвоение оккультных знаний», 16) Какой-то пастор-теософ: «Христианство и антропософия», 17) «Антропософия и механика».

Кроме того слышали два очень эзотерических доклада «О четырех архангелах», «О розенкрейцеровском лозунге».

Видишь, сколько мы, кроме огромной личной работы, выслушали и усвоили.

Так что мы времени не теряли. За это время (от июля до февраля) мы выучились столькому, сколько не выучишься вдали от Доктора в течение 5 лет; каждые 3 месяца нас около Доктора подвигают. Оттого-то мы и остались при нем.

Милая мамочка. Ты не думай, что мы бездельничаем. Никогда в жизни мы так много не учились. За это время я прочел следующие интимные курсы Доктора (для учеников):

1) «Теософия розенкрейцества» (10 лекций), 2) «Евангелие от Иоанна» (11 лекций), 3) «О небесных иерархиях» (курсы), 4) «Апокалипсис» (читаем). Кроме того мы прослушали следующие интимные курсы, читанные нам Доктором:

1) «О посвящении» (7 лекций), 2) «Евангелие от Марка» (10 лекций), 3) «Багават-Гита и Послания апостола Павла» (5 лекций), 4) «Между смертью и новым рождением» (6 лекций, читанных в берлинской ложе и составляющих курсы), 5) «Мистерии востока и мистерии запада» (4 лекции).

Это все связанные курсы. Кроме того Доктор прочел нам еще следующие отдельные лекции:

1) «Храмы как выражения культурных эпох», 2) «О календаре», 3) «Наука и запросы духа», 4) «Естествознание и тайная наука», 5) «Христос и XX век», 6) «Духовное знание и современность», 7) «О Гельдерлине», 8) «Правда духовного опыта», 9) «Ошибки духовного опыта», 10) «Результаты духовного опыта», 11) «Точная наука и духовный опыт», 12) «О Христиане Розенкрейце», 13) «О любви», 14) «О Новалисе», 15) «Яков Беме», 16) «О возрастах», 17) «Германн Гримм», 18) «Миссия Рафаэля», 19) Лекция на генеральном собрании, 20) «Сказочные стихи в свете духовной науки», 21) «Леонардо да Винчи», 22) «О формах храма», 23) «Биография», 24) Заключительная лекция на собрании, 25) «О сущности Антропософии».

[Почт. штемпеля: Berlin. 10.2.13/Москва. 30.1.1913 и 31.1.13.]

1 Открывшееся в Берлине 2 февраля (н.ст.) 1913 г. одиннадцатое генеральное собрание немецкого отделения Теософического Общества превратилось в первое генеральное собрание (Generalversammlung) Антропософского Общества, во главе со Штейнером (сам он никогда не был членом

- Общества). Заседания и лекции продолжались более недели и происходили в помещении Architektenhaus'a.
- 2 20—29 марта 1913 г. (н.ст.) Штейнер читал в Гааге десять лекций курса «Welche Bedeutung hat die okkulte Entwicklung des Menschen für seine Hüllen — physischen Leib, Ätherleib, Astralleib — und sein Selbst?».
 - 3 31 июля/13 августа 1913 г. Белый вместе с А. Тургеневой уехали из Боголюб в Мюнхен (через Дрезден). 24—31 августа Штейнер читал восемь лекций курса «Die Geheimnisse der Schwelle», а 20, 22 и 23 августа в Мюнхене были поставлены последние две из четырех «Misteriendramen» Штейнера.
 - 4 Курс «Aus der Akasha-Forschung. Das fünfte Evangelium» (из пяти лекций) состоялся 1—6 октября 1913 г. в Христиании (Осло).
 - 5 «Частые бывания у Бергенгрюн и Христофоровой» (февраль, РД). Татьяна Алексеевна Бергенгрюн (Bergengrün, ок. 1861 — ок. 1945) — член кружка Христофоровой, теософка, антропософка, сестра второй жены К. Д. Бальмонта, Е. А. Бальмонт, и матери М. В. Сабашниковой. Умерла в Дорнахе.
 - 6 Трифон Георгиевич Трапезников (1882—1926) —искусствовед, музейный работник, один из ближайших друзей Белого «в антропософии» после 1912 г. С 1913 по 1916 г. работал в Дорнахе над постройкой Гетеанума. Вернулся в Россию в 1917 г. Одно время заменял Григорова в качестве председателя московского отделения Р. А. О. Один из организаторов «Отдела Охраны Памятников», в котором работал до смертельной болезни в 1924 г., когда он уехал за границу лечиться. Он умер в Breitbrunn am Ammersee в доме вдовы поэта Кристиана Моргенштерна. Его жена: Любовь Исааковна.
 - 7 Юли (Юлэ; Uehli Ernst, 1875—1959) — активный участник вальдорфской школы, где преподавал историю искусства.
 - 8 Штинде (Stinde Sophie, 1853—1915) — директор немецкой секции А. О., «пастырь добрый» движения, по словам Белого. В письме к Иванову-Разумнику от 20 ноября 1915 г. (по новому стилю) Белый писал: «...пришло известие, что скончалась одна из руководительниц нашего общества: Штинде. И вот, после кончины ее, я могу сказать, что у меня было отношение к ней, ну как... к Льву Толстому, как к старцу; она вся была типом святой христианской угодницы» (РГАЛИ. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 6).
 - 9 Унгер, д-р (Unger, Dr. Carl, 1878—1929) — фабрикант, философ, один из основателей штутгартской ложи А. О., член совета Johannesbau-Verein.
 - 10 Шолль (Scholl Mathilde, 1869—1941) — теософка, ушла вместе с Штейнером из Т. О. Жила и работала в Кёльне, редактировала антропософские бюллетени.
 - 11 Бауэр (Bauer Michael, 1871—1929) — один из первых учеников Штейнера, активный член антропософского движения, автор религиозно-философских и педагогических сочинений. Ему посвящено стихотворение Белого «Речь твоя — пророческие взрывы» («Королевна и рыцари»).
 - 12 Ленхарт — в работах об антропософии и антропософах Белым нигде не упоминается. Возможно, что он один из тех, кто затем оставил движение.
 - 13 Вальтер (Walter Kurt, 1874—1940) — чиновник главного почтамта, активный пропагандист антропософии в Берлине, с 1904 г. — ученик Штейнера.
 - 14 Зелигер — лицо неустановленное (не Вильгельм Зеллинг — Wilhelm Selling, 1869—1960?).
 - 15 Пайперс, д-р (Peipers, Dr. Felix, 1873—1944) -доктор медицины, близкий ученик Штейнера, один из директоров «Союза Иоаннова Здания» («Johannesbau-Verein»).
 - 16 Аренсон [у Белого «Аронсон»] (Arenson Adolf, 1855—1936) — музыкант, написал музыку к постановке мистерий Штейнера.

А. БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

<Середина марта (н.ст.) 1913 г. Берлин. >

Дорогая, родная мама!

Пишу Тебе спешно — из-за укладки: спешу, потому что завтра мы уезжаем, но не в Гаагу, а — представь себе — в Боголюбы, где пробудем месяца два (это на австрийской границе) и где скопим деньги¹. Буду подробно писать о наших планах Тебе: о том, почему не поехали в Гаагу, а поехали в Боголюбы, и о том, что намерены делать впредь. Пока знаем **наверное** лишь: к середине русского июля мы будем в Мюнхене (приедем к Мистериям). У нас было много сложностей и мы не знали, можно ли нам уехать, но Доктор нас отпустил (давши урок) с условием, что мы для продолжения учения приедем к нему (иначе он не дает урока в отъезд)².

Почему мы изменили план ехать в Гаагу, это долго объяснять, но среди всех бывших причин — экономия денег: может быть, придется ехать в Гельсингфорс (в середине мая на курс и далее в Стокгольм, Христианию: тут 3 курса)³, т.е. в смысле учения больше услышишь, а ехать и туда и сюда — дорого; за два месяца же мы, б<ыть> м<ожет>, скопим деньги. Итак, целую. Христос с Тобой. Адрес: Россия. Луцк (Волынской губернии). Лесничему В. К. Кампиони. Мне.

Боря.

Ася целует Тебя.

[Датируется по содержанию.]

- 1 26 февраля/11 марта 1913 г. Белый (с А. Тургеневой) уехал из Берлина в Россию, в Боголюбы (Волынской губ., близ Луцка), в имение В. К. Кампиони и С. Н. Кампиони (матери А. Тургеневой).
- 2 «<Март. Берлин.> Собираемся ехать на курс Штейнера в Гаагу, но нет денег; берем билеты в Боголюбы, и тут получаем известие, что «Петербург» принят и деньги могут выслать. (...) Прощальное свидание со Штейнером; сдаю отчет; новые медитации и отзыв: «У вас теперь хорошая загрузка работы для будущего». Отъезд в Боголюбы» (РД).
- 3 В середине мая Белый (с А. Тургеневой) поехал из Боголюб в Петербург, а оттуда в Гельсингфорс на цикл девяти лекций Штейнера «Die okkulten Grundlagen der Bhagavad Gita» (28—31 мая, 1—5 июня н.ст.).